

ПОХОДНЫЯ ЗАПИСКИ

О КАМПАНИИ 1863 ГОДА ПРОТИВЪ ПОЛЬСКИХЪ МЯТЕЖНИКОВЪ.

V. (*)

Если вооруженное возстаніе не было подавлено въ мартѣ мѣсяцѣ, то это, по нашему мнѣнію, можно приписать только двумъ слѣдующимъ обстоятельствамъ: 1) частнымъ недостаткамъ дислокаціи войскъ, и 2) недостаточности правъ военныхъ начальниковъ относительно принятія суровыхъ мѣръ, необходимыхъ по самому положенію края.

Войска были расположены по уѣзднымъ городамъ и большимъ трактамъ; но огромныя лѣсныя пространства, оставшіяся въ сторонѣ, не были заняты. Такъ, въ Радомской губерніи всѣ избранныя нами пункты лежали по варшавско-краковскому шоссе и только отчасти по южной границѣ, совершенно безлѣсной (до Вислы) и потому легко наблюдаемой; а все лѣсное пространство, между краковскимъ шоссе, Пилицею и Вислою до Опатова и Кельца оставалось свободнымъ. Точно также, на всемъ пространствѣ между шоссе и желѣзною дорогою, гдѣ тянутся дремучіе лѣса Опозинскаго уѣзда, заняты были только два пункта, да и тѣ въ небольшомъ разстояніи одинъ отъ другаго (Опочно и Конскъ).

Во всѣхъ городахъ признавали нужнымъ принимать самыя строгія, доходившія до излишества, мѣры предосторожности: окружали себя аванпостными цѣпями, караулами, такъ что половина войскъ была занята собственнымъ охраненіемъ, а не преслѣдованіемъ мятежниковъ. Нерѣдко случалось, что не-

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1867 г., №№ 8—11.

большіе отряды войскъ чаще уклонялись отъ встрѣчи съ превосходными силами непріятеля, чѣмъ это слѣдовало со стороны хорошо организованныхъ и вооруженныхъ войскъ. Гражданская администрація не была достаточно сильна въ рукахъ военныхъ начальниковъ, которые притомъ не имѣли права налагать контрибуцію (денежные штрафы) и казнить смертію, что было совершенно необходимо для противодѣйствія терору мятежнаго жонда (*).

Причины эти, кажется, ясно сознавались и въ Радомѣ; по крайней мѣрѣ, какъ только къ намъ стали подходить подразделенія (**), военный начальникъ отдѣла, генералъ-лейтенантъ Ушаковъ, тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы два баталіона Галицкаго полка, усиленные лейбъ-эскадрономъ новороссійскихъ драгунъ, были отправлены, подъ командою полковника Звѣрева, въ Стопницкій и Сандомірскій уѣзды; остальной баталіонъ того же полка, вмѣстѣ со 2-мъ эскадрономъ новороссійскихъ драгунъ, въ распоряженіе князя Шаховскаго. Полковнику Звѣреву предписано было занять границу на всемъ протяженіи отъ Завихвостья до Корчина, а князю Шаховскому отъ Корчина по теченію Вислы и далѣе, сухимъ путемъ, до предѣловъ Пруссіи.

Кромѣ того, 2-го апрѣля, особыя подвижныя колонны были выставлены:

Въ Опатовъ—изъ двухъ ротъ Галицкаго полка, подъ командою подполковника Голубова, назначеннаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, частнымъ военнымъ начальникомъ Опатовскаго уѣзда.

Въ Илжу—изъ двухъ ротъ того же полка, подъ командою маіора Ридигера.

Въ Липско—изъ двухъ ротъ того же полка и эскадрона екатеринославскихъ драгунъ, подъ командою маіора Клевцова.

Въ Слупя—Ново—изъ трехъ ротъ Смоленскаго полка, подъ командою полковника Насѣкина.

Съ занятіемъ этихъ пунктовъ (***), задача войскъ, по мнѣ-

(*) Всѣ эти права, полученныя военными начальниками впоследствии, не замедлили принести свои благотворительные результаты. Очевидно, что результаты были бы полнѣе, если бы самая система была принята ранѣе.

(**) Это были: полкъ екатеринославскихъ драгунъ и третья баталіоны Галицкаго и Могилевскаго полковъ, прибывшіе изъ Варшавы въ Радомъ, и 1-й баталіонъ Смоленскаго полка, направленный изъ крепости Иванъ-Города въ Кельце.

(***) Въ началѣ апрѣля войска занимали слѣдующіе города и мѣстечки: въ Радомскомъ уѣздѣ: Радомъ, Бѣлобжеги и Зволень (3 эскадрона и 11 ротъ, кромѣ саперовъ).

нiю генераль-лейтенанта Ушакова, должна была заключаться не только въ уничтоженiи шаекъ, но и въ восстановленiи вездѣ законности, порядка и въ поднятiи духа населенiя, такъ долго находившагося подъ гнетомъ мятежническаго террора.

Чтобы достигнуть такой цѣли, войскамъ прежде всего нужно было отрѣшиться отъ мысли, что занимаемые ими города суть пункты, объ охраненiи которыхъ исключительно слѣдуетъ заботиться. Если эти пункты и были для насъ важны, то только какъ центры районовъ, въ которыхъ войска обязаны были непрерывными движенiями приучить населенiе къ мысли, что нѣтъ въ край мѣста, до котораго не достигала бы рука законнаго правительства. Исключенiя въ этомъ случаѣ представляли Радомъ и Кельце, требовавшiе присутствiя сильныхъ гарнизоновъ для прикрытiя расположенной въ нихъ артилерiи.

Что касается характера военныхъ дѣйствiй, то генераль-лейтенантъ Ушаковъ, имѣя въ виду, что опытъ двухмѣсячной кампанiи достаточно уже обнаружилъ неизмѣримое превосходство наше надъ непрителемъ, потребовалъ, чтобы частные начальники заботились единственно о розысканiи, разбитiи, преслѣдованiи и уничтоженiи шаекъ, не обращая вниманiя на ихъ дѣйствительную или мнимую многочисленность.

Само собою разумѣется, что весь успѣхъ подобнаго предпрiятiя находился въ тѣснѣйшей зависимости отъ выбора частныхъ начальниковъ, которые своею рѣшимостiю и предприимчивостiю должны были замѣнить отсутствiе въ край искусныхъ лазутчиковъ.

Теперь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о положенiи нашихъ противниковъ.

Мы уже видѣли, что во второй половинѣ марта мѣсяца, послѣ пораженiя Лангевича и Туркете, въ Радомской губернiи остались только двѣ партiи: одна, Чаховскаго — въ 300 чело-

Въ Кельцкомъ: Кельце (2 эскадрона и 11 ротъ).

Въ Опочинскомъ: Опочно и Конске (4 роты).

Въ Опатовскомъ: Опатовъ, Ижа, Липско и Слуня-Ново (1 эскадронъ и 9 ротъ).

Въ Стопницкомъ и Сандомiрскомъ: Стопница, Корчина, Сташовъ, Савдомиръ и Завихость (1 эскадронъ и 9 ротъ)

Въ Олькушскомъ и Млзовскомъ: Олькушъ, Славковъ, Граница, Скала, Мъховъ, Сломники, Михаловицы, Прошевицы и Ново-Бжеско (1 эскадронъ и 13 ротъ).

Всего въ 24-хъ пунктахъ было расположено: два полка драгунъ, полкъ казаковъ, 12 баталiоновъ пѣхоты (кромѣ сапернаго) и 22 орудiя. Независимо отъ того была конная и пѣшая пограничная стража, общую численность которой мы опредѣлить не можемъ.

вѣкъ, другая, Лопаткаго — перешедшая изъ-заграницы, въ числѣ 100 человекъ воспитанниковъ тарновскаго училища. Сперва эти партіи, дѣйствительно, не заслуживали вниманія; но потомъ, соединившись подъ общимъ начальствомъ Чаховскаго, онѣ образовали хорошей кадръ, черезъ который въ непродолжительное время прошло отъ 1,500 до 3,000 инсургентовъ.

Личность самаго Чаховскаго, являющагося начальникомъ вооруженныхъ силъ сандомирскаго воеводства, заслуживаетъ вниманія: это былъ помѣщикъ Радомской губерніи, высокой, сѣдой старикъ, лѣтъ шестидесяти, съ суровою наружностью и съ спартанскими нравами. Служа въ военной службѣ, онъ, послѣ кампаніи 1831 года, вышелъ въ отставку и жилъ въ имѣніи; но какъ только вспыхнула инсurreкція, сталъ во главѣ довольно значительной партіи и былъ все время однимъ изъ дѣятельныхъ сподвижниковъ Лангевича.

„Когда послѣ дѣла подъ Гроховискомъ“ — говоритъ одна революціонная польская газета — „диктаторомъ и всѣмъ генералитетомъ овладѣло мрачное отчаяніе; когда неурядица и неумѣніе пользоваться обстоятельствами послужили причиною къ обезоруженію нѣсколькихъ тысячъ, тогда Чаховскій съ тремястами пробрался въ свѣнтожизскія горы и одинъ счумѣлъ поддержать потухающее возстаніе“....

Чтобы оцѣнить услуги, оказанныя при этомъ Чаховскимъ дѣлу революціи, надо припомнить, что въ первое время послѣ бѣгства Лангевича положеніе инсургентовъ, оставшихся внутри губерніи и окруженныхъ войсками, наводнившими тогда лѣса Опатовскаго уѣзда, было почти безвыходное. Къ счастью мятежниковъ, войска, увѣренные, что вооруженное возстаніе кончилось и инсургенты ожидаютъ только случая положить оружіе, преслѣдовали ихъ слабо, и скоро возвратились на свои квартиры. Тогда Чаховскій съ необыкновенною энергіею воспользовался благоприятными обстоятельствами: взволновалъ фабричное населеніе, соединился съ Лопаткимъ, собралъ разбитую банду Туркете и вдругъ перенесся въ Илженскій лѣсъ, на берега Каменной, гдѣ мѣстность, какъ нельзя болѣе, способствовала веденію партизанской войны.

Все это случилось передъ самыми польскими праздниками. Рассказываютъ, между прочимъ, будто въ это самое время генералъ-лейтенантъ Ушаковъ неожиданно получилъ въ Радо-

мѣ письмо за печатью „народоваго жонда“. Письмо было подписано Чаховскимъ, который, безъ церемоніи называя въ немъ русскаго генерала „своимъ шановнымъ коллегою“, предлагалъ какія-то условія относительно перемирія.

Быстрые успѣхи Чаховскаго вызвали съ нашей стороны тѣ мѣры относительно дислокаціи, которыя были изложены выше; но лазутчики не переставали утверждать, что нападеніе будетъ на Опатовъ или на Кельце. Слѣдовательно, нужно было приготовиться, чтобы встрѣтить незваныхъ гостей и надолго отбить у нихъ охоту къ подобнымъ предпріятіямъ.

И вотъ наступилъ канунъ свѣтлаго праздника. Торжественно разносился благовѣстъ единственной въ Кельцахъ православной церкви; но этотъ благовѣстъ только одинъ и напоминалъ намъ канунъ Свѣтлаго Христова Воскресенія. Въ городѣ царствовало угрюмое молчаніе; неосвѣщенные улицы были безлюдны и только на площади, гдѣ собирались войска, кипѣла необычная дѣятельность: тамъ слышался говоръ, бряцало оружіе, горѣли боевые ростры, и зловѣщее зарево, ложась на звѣздное, безоблачное небо, переливаясь, сверкало и искрилось на тонкихъ иглахъ штыковъ, на свѣтлой мѣди орудій....

Мы ждали нападенія, а въ развороченныя окна церкви слышалось тихое пасхальное пѣніе.... Чудная весенняя ночь, вся пропитанная ароматомъ распускающейся зелени, обнимала землю и обдавала насъ своимъ живительнымъ, теплымъ дыханіемъ.

Заутреня отошла спокойно. Утромъ разсказывали однако, что въ самую полночь, при первомъ ударѣ церковнаго колокола, изъ лѣсу выѣхали нѣсколько всадниковъ, одѣтыхъ въ сюртуки и теплыя фуражки. Ни оружія, ни прочихъ принадлежностей повстанскаго костюма на нихъ не было. Только зоркій глазъ казака отличилъ на одномъ изъ нихъ высокіе, краковскіе буты съ длинными „острогами“ (шпорами), и, встрепенувшись, насторожилъ казакъ свое чуткое ухо, стараясь не проронить ни малѣйшаго ночнаго шороха...

Покружившись подъ лѣсомъ, всадники приблизились къ самому пикету, слѣзли съ лошадей и преспокойно закурили сигары. Такая штука окончательно озадачила казаковъ: пикеть слѣлъ на коней, но не рѣшился броситься, опасаясь засады.

На слѣдующую ночь подобное явленіе повторилось, только гораздо позже, почти подъ самое утро. Къ сожалѣнію, казаки

дали знать еще поздне, именно по возвращеніи съ пикетовъ... Солнце уже взошло высоко, когда драгунскій полуэскадронъ, отправленный на поиски, на рысяхъ прошелъ черезъ городъ. Встрѣтившіеся поляки останавливались и съ недоумѣніемъ провожали его глазами, стараясь отгадать куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ. Одинъ, болѣе другихъ любопытный, адресовался даже съ вопросомъ къ проходившему мимо солдату; но, получивъ суровый отвѣтъ, что „ищутъ ляховъ“! обидѣлся и чуть не за тѣялъ исторіи....

Между тѣмъ драгуны подъ самою Корчувкою обогнали роту пѣхоты, которая шла осмотрѣть ближайшій лѣсъ. Говорили, что въ немъ скрывается партія и что монахи передаютъ повстанцамъ все, что дѣлается въ городѣ. Полуэскадронъ лѣтомъ достигъ Корчувки, осмотрѣлъ монастырь, но не нашелъ въ немъ ничего подозрительнаго.

Интересныя новости были получены къ вечеру изъ Радома, откуда готовилась большая экспедиція къ Илженскому лѣсу. Объ этой экспедиціи мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько подробнѣе.

Дѣйствія одиночныхъ отрядовъ въ лѣсахъ противъ шаекъ, избѣгавшихъ встрѣчъ и укрывавшихся при приближеніи нашихъ войскъ, могли только быть „des coups d'erée dans l'eau“, какъ выражаются французы. Надѣялись концентрическимъ направленіемъ нѣсколькихъ отрядовъ достигнуть лучшихъ результатовъ. Въ этихъ видахъ полковнику Эрнроту, офицеру генеральнаго штаба, служившему на Кавказѣ и пользовавшемуся отличною боевою репутаціею, приказано было дать нужное направленіе отрядамъ, собраннымъ въ Илжѣ и Опатовѣ, а генералу Ченгери, съ частью келецкаго гарнизона, прибыть въ м. Васнево, откуда, войдя въ сообщеніе съ полковникомъ Эрнротомъ, условиться съ нимъ относительно дальнѣйшихъ дѣйствій. Цѣль экспедиціи заключалась въ томъ, чтобы очистить Илженскій лѣсъ и отбросить мятежниковъ къ сторонѣ открытыхъ равнинъ Висленской долины, отнюдь не позволяя имъ проникать на западъ, въ лѣса Опочинскаго уѣзда.

4-го апрѣля нарочный привезъ намъ извѣстіе, что полковникъ Эрнротъ выѣхалъ изъ Радома въ Илжу, и что 5-го числа, утромъ, онъ, съ ротами майора Ридигера, прибудеть въ д. Броды, откуда немедленно вышлетъ на встрѣчу намъ сильную казачью партію. Поэтому 4-го же апрѣля, въ три

часа пополудни, келецкій отрядъ собрался за городскою заставою и вышелъ двумя колоннами на Бодзентынъ и Старую-Гуту (*). Пока послѣдняя колонна, въ командѣ маіора Бѣтковскаго, огибала Святыя Горы, другая, подѣ личнымъ предводительствомъ генерала Ченгери, перешла хребетъ у самаго монастыря св. Екатерины, замѣчательнаго тѣмъ, что у подошвы его деревянной ограды пролегаетъ единственная удобная дорога черезъ Лысицу-Гуру, недоступную въ прочихъ мѣстахъ для движенія артилеріи (**). Отсюда, на сѣверъ, густые, непрерывающіеся лѣса тянутся до самаго Бодзентына. Въ Бодзентынѣ мы ночевали, а на слѣдующій день обѣ колонны соединились въ Васневѣ. Несмотря на то, что время было далеко за полдень, извѣстій отъ полковника Эррота еще не получали; мы ждали ихъ до самаго вечера, высылая одинъ за другимъ разъѣзды по всѣхъ направленіямъ; но такъ какъ разъѣзды ничего не открывали, то генералъ Ченгери обратился наконецъ къ содѣйствію крестьянъ. Нѣсколько удалцовъ вызвались тотчасъ же добыть намъ нужныя свѣдѣнія и, дождавшись ночи, пустились на поиски.

Они нашли Эррота, въ ночь на 6-е число, въ Островцѣ, слѣдовательно, въ сторонѣ совершенно противоположной той, откуда онъ намѣревался начать свои военныя дѣйствія, и, возвратившись, рассказали слѣдующее:

4-го апрѣля, утромъ, Эрротъ прибылъ въ Илжу съ 30 конвойными казаками, но, къ удивленію, не нашелъ уже отряда Ридегера, который, по показаніямъ жителей, выступилъ по дорогѣ въ Грабовецъ. Эрротъ послалъ на почтовыхъ лошадахъ двухъ казаковъ къ Ридигеру съ извѣщеніемъ о своемъ прибытіи въ Илжу и съ предложеніемъ увѣдомить о дальнѣйшемъ направленіи отряда, чтобы имѣть возможность къ нему присоединиться. Посланные казаки скоро догнали Ридигера, передали ему записку Эррота и привезли назадъ извѣстіе, что Ридигеръ около Грабовца наткнулся на шайку, которая

(*) Отрядъ состоялъ изъ пяти ротъ Смоленскаго полка, полтора эскадрона новороссійскихъ драгунъ, полусотни казаковъ, двухъ батареинныхъ и одного наръзнаго орудій.

(**) Не надо смѣшивать Лысицу-Гуру съ Лысою Горюю, гдѣ монастырь св. Креста. Лысица-Гура—самая высшая точка въ царствѣ Польскомъ—лежатъ на западной, а Лысая Гора на восточной оконечности Свѣтотожняскаго хряжа. На первой горѣ женскій монастырь (св. Екатерины), а на второй—мужской (св. Креста), находящіеся одинъ отъ другаго въ разстояніи 14 или 15 верстъ.

ушла въ дѣсъ, и что онъ самъ пойдетъ за нею къ Островцу. Сообразно съ этимъ Эрнротъ выѣхалъ изъ Илжи въ Грабовецъ, но, не заставъ отряда, съ измученнымъ конвоемъ пустился далѣе, прямо черезъ Илженскій дѣсъ, къ Островцу, куда прибылъ уже вечеромъ. Въ Островцѣ однако сказали, что Ридигера не было, и Эрнротъ ночью поспѣшилъ въ Опатовъ, чтобы присоединить къ себѣ хоть сколько-нибудь пѣхоты. Ридигеръ не только не пошелъ вслѣдъ за шайкою, скрывшеюся въ Илженскіе дѣса, но направился въ противоположную сторону въ Сѣнно, гдѣ расположился на ночлегъ и вовсе не увѣдомилъ о томъ Эрнрота.

Утромъ 5-го апрѣля въ Опатовъ прибылъ Насѣкинъ съ двумя ротами (9-я и 10-я) Смоленскаго полка. Съ этими ротами Эрнротъ рѣшился пойти назадъ, въ Илженскій дѣсъ, для отысканія той банды, которая показалаcя при Грабовцахъ. Голубовъ же съ тою же цѣлью долженъ былъ направиться къ Цмѣлеву, но ежели шайки не откроетъ, то возвратиться въ Опатовъ, что онъ и сдѣлалъ, никого не встрѣтивъ. Когда смоленскія роты уже прибыли въ Островецъ и расположились ночевать, подошелъ отрядъ Ридигера, о которомъ до того никакихъ свѣдѣній у Эрнрота не было. Такимъ образомъ въ Островцѣ собрались четыре роты пѣхоты и сотня казаковъ. Съ этимъ отрядомъ Эрнротъ рѣшился выступить къ Илжѣ и извѣстилъ о томъ генерала Ченгери.

6-го числа келецкій отрядъ выступилъ изъ Васнева къ Бродамъ. Мы шли на Покшевницу и Павловъ. Дорога лежала по сѣвернымъ предгоріямъ сандомірской возвышенности и была до того неудобна, что артилерія могла двигаться только при помощи цѣлаго баталіона. Безпрестанно попадались крутые, каменистые подъемы, неразработанные спуски или овраги съ перекинутыми черезъ нихъ мостиками, которые были ветхи и колебались всякій разъ, когда на нихъ вѣзжало орудіе. Случалось даже, что дорога прекращалась вовсе, оканчиваясь обрывомъ, и тогда орудія и зарядные ящики намъ приходилось спускать на канатахъ. Недаромъ въ народѣ ходили слухи, что бодзентыновскій ксендзъ, по имени Хлуда, проклялъ и эту дорогу и всѣхъ, кто будетъ здѣсь ѣздить, добровольно рискуя сломать себѣ шею (*).

Къ полудню мы выбрались однако на горнозаводское шос-

*) Впоследствии, въ 1864 году, мы слышали это отъ самого Хлуды.

се и остановились вблизи казенныхъ желѣзо-литейныхъ заводовъ, устроенныхъ въ Михаловѣ на берегу обширнаго пруда, образуемаго теченіемъ рѣки Камѣнной. Въ Михаловѣ дали солдатамъ по чаркѣ водки и приказали скорѣе готовить обѣдъ, но едва запылали костры и къ нимъ пріютились наши походные чайники, какъ появился драгунскій вахмистръ и съ озабоченнымъ видомъ отозвалъ эскадроннаго командира въ сторону.

— Ваше благородіе! кажись, вѣдь это польскій пикетъ, сказалъ онъ ему тихо.

— Гдѣ?

— А вотъ извольте взглянуть! и онъ указалъ рукою по направленію къ лѣсу.

Дѣйствительно, за строеніями, по ту сторону пруда, стояли вооруженные люди. Эскадронный командиръ тотчасъ же пошелъ къ генералу и черезъ пять минутъ вся кавалерія выступила изъ лагеря. Съ возвышенности, на которой раскидывались наши бивуаки, можно было слѣдить за ея движеніями. Мы видѣли, какъ съ гикомъ, спустивъ на перевѣсь свои пики, помчались казаки, какъ скрылся пикетъ и наша конница, достигнувъ лѣса, внезапно остановилась подъ самую опушку. Въ ту же минуту отъ нея отдѣлился казакъ и во весь опоръ пустился къ нашему бивуаку.

Зная уже, что это значить, мы бросились по своимъ мѣстамъ и, позабывъ усталость, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ стали ожидать что будетъ. Казакъ привезъ извѣстіе, что въ лѣсу слышны крики „ура!“ и частые ружейные выстрѣлы. „Это Эрнротъ атаковалъ мятежниковъ“, заговорили въ отрядѣ; но пока мы добѣжали до лѣсу, гдѣ все еще стояла наша конница, выстрѣлы смолкли и мы наугадъ двинулись къ Бродамъ. Чѣмъ ближе мы подходили къ мѣстечку, тѣмъ чаще попадались намъ трупы убитыхъ повстанцевъ, брошенное оружіе и окровавленные платья, свидѣтельствовавшія, что мы находимся неподалеку отъ мѣста боя.

Чтобы извѣстить Эрнрота о нашемъ прибытіи, сдѣлали выстрѣлъ изъ батарейнаго орудія; но едва грянула пушка, какъ впереди, гдѣ наступали казаки, загорѣлась ружейная перестрѣлка.... Казаки, выѣхавъ на поляну подъ самыми Бродами, какъ разъ наткнулись на цѣлую шайку, спокойно отдыхавшую въ оврагѣ; но пока, озадаченные, они разобрали въ чемъ дѣло и открыли огонь, повстанцы втянулись въ лѣсъ и скрылись

изъ виду. Цѣпь, подоспѣвшая къ казакамъ, перешла оврагъ, но люди, не привыкшіе ориентироваться посреди густаго лѣса, скоро потеряли направленіе и вмѣсто поляковъ неожиданно наткнулись на отрядъ Эрнротъ.

Тутъ мы узнали нѣкоторыя подробности происходившаго дѣла:

Выступивъ изъ Островца къ Илжѣ, Эрнротъ рассыпалъ казачьи партіи по всѣмъ боковымъ дорогамъ, пролегавшимъ въ лѣсу, приказавъ имъ внимательно смотрѣть, не попадутся ли гдѣ-нибудь слѣды или другіе признаки прошедшей банды. Скоро развѣздъ, подъ командою урядника Попова, прискакалъ съ извѣстіемъ, что видно нѣсколько конныхъ повстанцевъ на полянѣ между Бродами и Любенемъ, и что обозъ ихъ вытягивается по дорогѣ въ лѣсъ, т. е. къ Вержбнику. Эрнротъ, отправивъ патронные ящики и лишнія телѣги, находившіеся при могилевцахъ, подъ небольшимъ конвоемъ, прямо въ Радомъ, свернулъ тотчасъ же на Броды.

Едва пѣхота вступила въ лѣсъ, какъ рота Могилевскаго полка, наступавшая на правомъ флангѣ, была внезапно встрѣчена сильнымъ ружейнымъ залпомъ, остановилась и открыла огонь по сараямъ, виднѣвшимся подъ самою деревнею. Не теряя времени, Эрнротъ соскочилъ съ коня и, ставъ впереди могилевцевъ, приказалъ имъ тотчасъ же ударить въ штыки. Въ это время подоспѣла 10-я рота Смоленскаго полка, подъ командою капитана Кульнева: она прошла впередъ, выбила мятежниковъ и очистила дорогу. Инсургенты держались не стойко и тотчасъ же разсѣялись. Вся наша потеря состояла изъ одного убитаго и трехъ нижнихъ чиновъ ранеными. Во время преслѣдованія смоленцы взяли нѣсколько плѣнныхъ (*), отъ которыхъ узнали, что разбитая партія находилась подъ начальствомъ Грелинскаго.

Около четырехъ часовъ пополудни Ченгери самъ прибылъ въ Броды и встрѣтился тамъ съ подковникомъ Эрнротомъ, отрядъ котораго по частямъ прибылъ изъ Любенскаго лѣса, гдѣ уже некого было преслѣдовать. Условились однако идти за шайкою по направленію къ Вержбнику. Эрнротъ двинулся по шоссе, а мы, повернувъ назадъ, цѣпью пошли черезъ лѣсъ и, пода-

(*) Смоленцы отбили при этомъ нѣсколько повозокъ съ боевыми припасами. Добыча была для насъ весьма кстати, потому что въ Кельцахъ недостатка пороха доходилъ до такой степени, что люди уже расходовали свои комплектные патроны.

гая, что Эрнротъ находится правѣе, выдвинули всю кавалерію на лѣвый флангъ для собранія въ той мѣстности свѣдѣній о неприятелѣ. Опять намъ стали попадаться трупы да слѣды крови, потерянное или брошенное оружіе. Драгуны встрѣтили даже казака, отъ котораго узнали, что онъ, конвоируя раненаго товарища, наткнулся подъ Вержбникомъ на конную партію, отъ которой едва успѣлъ ускакать, а раненаго она захватила въ плѣнъ. Драгуны карьеромъ понеслись къ мѣстечку, но не застали уже неприятеля, выступившаго нѣсколькими часами ранѣе. Между тѣмъ, въ Вержбникъ прибыла наша пѣхота и только здѣсь объяснилось, что кавалерія, выдвинутая влѣво, на горнозаводское шоссе, очутилась на одной дорогѣ съ Эрнротомъ, а потому легко могло случиться, что шайка Грелинскаго скрылась гдѣ-нибудь въ самомъ близкомъ разстояніи отъ нашего праваго фланга, который наблюдаемъ былъ слабо.

Вечеромъ въ Вержбникъ возвратился есаулъ Емельяновъ, посланный еще изъ Бродовъ въ развѣздъ съ казачьею сотнею Житинева (изъ отряда Эрнрота (*)). Онъ привелъ нѣсколько плѣнныхъ, но никакихъ свѣдѣній о направленіи банды не успѣлъ собрать.

Позднѣе мы узнали, и это уже не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Чаховскій 6-го числа самъ былъ въ Вержбникѣ, откуда по лѣсной дорогѣ прошелъ къ Вонхоцку и въ полночь на 7-е число, переправившись черезъ Камѣнную у мельницы, лежащей западнѣе Вонхоцка, направился къ Нелданыскому лѣсу. Если бы въ то время поступали съ польскими чиновниками построже, то, конечно, бургомистръ Вержбника не осмѣлился бы умолчать о проходѣ банды.

Ничего этого не зная, Эрнротъ былъ въ убѣжденіи, что банды скрываются въ Илженскомъ лѣсу, и потому 7-го числа днемъ сдѣлалъ небольшой переходъ въ Паршово для того, чтобы обмануть неприятеля на счетъ своего дѣйствительнаго направленія; но какъ только наступила ночь, онъ быстро повернулъ назадъ и по лѣснымъ тропинкамъ бросился въ пространство между Бродами, Вержбникомъ и д. Липпою.

Здѣсь никого не оказалось. Передъ утромъ къ Эрнроту прискакали нѣсколько казаковъ съ извѣстіемъ, что на его обозъ, слѣдовавшій особою колонною, произведено нападеніе, что

(*) Есаулъ Емельяновъ находился при генералѣ Ченгери.

одинъ изъ офицеровъ убитъ и много нижнихъ чиновъ ранено. По собраніи болѣе точныхъ свѣдѣній, оказалось слѣдующее:

Обозъ направленъ былъ изъ Паршова прямо по илженскому тракту, черезъ деревню Гржибова-Гура. Въ прикрытіе къ нему назначенъ былъ маіоръ Ридигеръ съ ротою Могилевского полка. Случилось такъ, что колонна вступила въ Гржибовую-Гуру, въ то самое время, когда въ деревнѣ стояли мятежники, расположившіеся на ночлегъ до того оплошно, что часовые замѣтили нашихъ только тогда, когда они были уже въ улицахъ. Можно себѣ представить, какая произошла суматоха съ обѣихъ сторонъ, равно озадаченныхъ внезапностію! Отстрѣливаясь, повстанцы бросились въ лѣсъ, къ сѣверу, а наши на илжинскую дорогу. Мы потеряли при этомъ убитымъ капитана Веселаго и ранеными 8 нижнихъ чиновъ. Кромѣ того, изъ обоза пропало нѣсколько повозокъ, на которыхъ были сложены солдатскіе полушубки. Какимъ образомъ могли пропасть эти повозки—мы не знаемъ: одни говорили, что ими овладѣли мятежники, другіе рассказывали, что просто на нихъ ускакали подводчики, воспользовавшись суматохою для того, чтобы поживиться нашими полушубками.

Получивъ объ этомъ свѣдѣніе отъ самаго Ридигера, встрѣтившагося съ нами въ д. Малышинѣ, Эрнротъ остановилъ отрядъ и съ одними казаками, приказавъ только слѣдовать за собою 10-й ротѣ Смоленскаго полка, поскакалъ въ Гржибовую-Гуру. Мѣстечко горѣло и отъ испуганныхъ жителей можно было только добиться, что шайка находилась подъ начальствомъ Кононовича и слѣдовала изъ Разнишовскаго лѣса (Черскій край) на присоединеніе къ Чаховскому.

Этимъ эпизодомъ окончилась илженская экспедиція.

Въ то время, когда полковникъ Эрнротъ, согласно полученнаго приказанія, съ ротами Могилевского полка возвращался въ Радомъ, а смоленскія направилъ обратно въ Слупя-Ново, генераль Ченгери рѣшилъ перенести военныя дѣйствія на ту сторону радомскаго шоссе и, распуская слухъ, что возвращается въ Кельце, 7-го числа перешелъ въ Опочинскій уѣздъ и ночевалъ въ Загданскѣ (*). Здѣсь мы узнали, что пойдемъ

(*) Во время этого движенія, мы были свидѣтелями слѣдующаго любопытнаго феномена: когда войска втянулись въ долину, лежащую между горами, что идутъ отъ самаго Паршова къ Суходневу, передовые казаки вдругъ прискакали съ извѣстіемъ, что впереди замѣтно движеніе непріятельскаго обоза. Что этотъ обозъ былъ непріятельскій, въ томъ сомнѣваться было нельзя, потому что дорога, по

въ Радошицкіе лѣса, гдѣ, по полученнымъ свидѣніямъ, сформировалась новая шайка, подъ предводительствомъ Иполита Завадскаго.

Завадскаго многіе изъ нашихъ товарищей знали лично и не могли надивиться быстрому возвышенію человѣка, давно утратившаго и молодость и энергію, столь необходимыя для вождя партизанской партіи. Чтобы объяснить это, расскажем въ короткихъ словахъ исторію Завадскаго, „этого мученика московскаго деспотизма“, какъ выражались про него поляки.

Завадскій, уроженецъ изъ окрестностей города Кельца, выступилъ на политическое поприще въ 1846 году, когда сумасбродныя идеи Мѣрославскаго до того отуманили поляковъ, что они настойчиво стремились вступить въ одновременную борьбу съ Россією, Австрією и Пруссією. Завадскій, служившій въ это время чиновникомъ въ западномъ округѣ горнаго вѣдомства, сблизился съ тѣснымъ кружкомъ заговорщиковъ, собиравшихся около Кельце, подъ руководствомъ ксендза Сцыченнаго, и принялъ дѣятельное участіе въ обширныхъ приготовленияхъ, имѣвшихъ цѣлю возстановленіе свободной и независимой Польши въ ея старинныхъ границахъ, и кончившихся, какъ извѣстно, нелѣпымъ нападеніемъ горсти полупьяныхъ мятежниковъ на сѣдльцкихъ инвалидовъ.

Не знаемъ навѣрное, принадлежалъ ли Завадскій къ числу вооруженныхъ повстанцевъ; но дѣятельность его, какъ агитатора, направленная къ тому, чтобы путемъ пропаганды провести революціонныя идеи въ массы сельскаго населенія, окончилась самымъ неожиданнымъ образомъ.

Одинъ изъ крестьянъ селенія Бенчкова, присутствовавшій въ костелѣ, когда Сцыченный освящалъ ножи, поясняя народу значеніе сицилійскихъ вечерень, увѣдомилъ объ этомъ мѣстныя власти, которыя распорядились тотчасъ же арестовать заговорщиковъ (*).

Фельдмаршалъ приказалъ ихъ судить полевымъ, которой онъ тянулся, входя на вѣдущій лѣсъ, а въ подзорную трубу, несмотря на туманное утро, можно было различить вооруженныхъ людей, слѣдовавшихъ по сторонамъ повозокъ. Генералъ со всею кавалерією понесся впередъ, предполагая, что, можетъ быть, въ той сторонѣ находится Чаховскій или, по крайней мѣрѣ, остатки шайки Грединскаго. Но каково же было общее разочарованіе, когда при нашемъ приближеніи обозъ исчезъ и мы увидѣли передъ собою кучу сложенныхъ дровъ и двухъ или трехъ работавшихъ угольщиковъ. Это былъ просто миражъ—явленіе не совсемъ обыкновенное для здѣшней мѣстности.

(*) Крестьянинъ это тѣ (забылъ его фамилію) былъ награжденъ медалью и освобожденъ до конца жизни отъ всѣхъ податей. Въ 1863 году мы видѣли его въ

военно-уголовнымъ судомъ, вслѣдствіе чего главные зачинщики были повѣшены, а Завадскій, въ числѣ другихъ, былъ сосланъ въ Сибирь въ каторжную работу.

Десять лѣтъ, проведенные въ рудникахъ, преждевременно состарѣли и во многомъ измѣнили характеръ Завадскаго. Вернувшись въ царство Польское, въ началѣ нынѣшняго царствованія, онъ поселился около Мнева въ имѣніи, которое взялъ на аренду, и жилъ уединенно, не принимая никакого участія въ политическихъ демонстраціяхъ. Поэтому-то внезапное появленіе его во главѣ вооруженной партіи казалось весьма подозрительнымъ и дало поводъ предполагать, не служить ли онъ только ширмою, за которою скрываются другіе, болѣе молодые и энергичные дѣятели. Подозрѣнія наши остановились на двухъ братьяхъ Бохенскихъ, богатыхъ помѣщикахъ, которымъ принадлежала Руда Маленецкая. Крестьяне говорили, что одного изъ нихъ видали въ повстанскомъ лагерѣ, и видали не просто, а въ лентѣ черезъ плечо и окруженнаго большою свитою; но голословныя показанія крестьянъ не были еще непровержимыми фактами, а сами Бохенскіе держали себя такъ осторожно, что безъ фактическаго доказательства осудить ихъ было невозможно.

8-го апрѣля, изъ Загданска, отрядъ нашъ продолжалъ движеніе по шоссе въ Дзюбалтовскіе Млыны и Руду Маленецкую. Дорога, сначала открытая, входитъ недалеко отъ Мнева въ самую середину Самсоновскихъ лѣсовъ и тянется ими почти до Смыковской корчмы, за которою влѣво идутъ уже лѣса Радошицкіе, а вправо Конскіе (*).

Изъ Смыкова 4-й эскадронъ Новороссійскаго полка, подъ командою капитана Чутя, посланъ былъ черезъ деревни Крулевичи, Плуги, Копальню и Малаховъ прямо въ Дзюбалтовскіе Млыны, куда на ночлегъ должна была прибыть и главная колонна. Темная ночь застала эскадронъ въ дорогѣ, посреди густыхъ Кельцахъ, куда онъ переселился на жительство, опасаясь мщенія со стороны повстанцевъ.

(*) Подъ самымъ Мневомъ мы встрѣтили краковскую бунду, наполненную евреями. На вопросъ генерала о мятежникахъ, одинъ молодой жидокъ вышелъ впередъ и къ ужасу своихъ земляковъ не только откровенно рассказалъ все, что было ему извѣстно, прибавивъ, что никогда не признавалъ для себя иного правительства, кромѣ русскаго, но даже покинулъ товарищей, присоединился къ отряду и добровольно сдѣлалъ съ нами экспедицію. Вслѣдствіе онъ жилъ постоянно въ Кельцахъ, при генералѣ Ченгери, и былъ ему весьма полезенъ своими свѣдѣніями.

стаго лѣса, гдѣ единственными дорогами были тропинки, по которымъ возможно было идти только въ одинъ конь. Вдобавокъ крестьяне, не зная Дзюбалтовскихъ Млыновъ, извѣстныхъ здѣсь подъ именемъ „Сельпья“, провели эскадронъ въ деревню Дзюбалтово, лежащую далеко въ сторонѣ отъ нашей дороги. Деревня эта, окруженная со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, смотрѣла такъ подозрительно, что эскадрону, послѣ 70-верстнаго перехода, пришлось всю ночь держать лошадей подъ сѣдлами.

Между тѣмъ главная колонна тоже не дошла до Дзюбалтовскихъ Млыновъ, и по случаю поздняго времени остановилась ночевать въ Смолевой Рудѣ, отправивъ для извѣщенія объ этомъ капитана Чутя—который, какъ полагали, прибылъ уже въ Сельпю—кавалерійскій развѣздъ, подъ командою поручика Черяева. Развѣздъ, слѣдуя по шоссе, скоро миновалъ лѣсъ и, выйдя на открытую мѣстность, очутился на берегу неизвѣстной рѣчки. Проводника не было; но деревянный, перекинутый черезъ рѣку мостъ, глухой шумъ спущенныхъ шлюзовъ и огоньки, мелькавшіе по ту сторону, показывали ясно, что развѣздъ подходитъ къ какой-то деревнѣ. Это именно и были Дзюбалтовскіе Млыны — желѣзо-ковальный заводъ, расположенный надъ рѣчкою Чарной и извѣстный, какъ мы сказали, подъ именемъ Сельпья.

Ночь была такая темная, что передовой патруль вступилъ уже на мостъ, когда восклицаніе: *Stój! kto jedzie?* заставило его остановиться. На самомъ концѣ моста чернѣла фигура вооруженнаго всадника. Раздумывать было некогда: драгуны кинулись впередъ и окружили повстанца...

Поздно разобравъ въ чемъ дѣло, мятежникъ ловкимъ прыжкомъ съ сѣдла перескочилъ перила и кинулся въ рѣку; глухіе всплески воды показывали направление, по которому онъ плылъ; но развѣздъ, не обративъ на это вниманія, спокойно вошелъ въ деревню, какъ вдругъ загремѣли ружейные выстрѣлы.... Очутившись среди непріятели, драгуны искали спасенія уже въ разсыпную и, къ счастью, не понесли ни малѣйшей потери.

Съ разсвѣтомъ, 9-го апрѣля, весь нашъ отрядъ былъ уже въ Сельпѣ. Здѣсь мы узнали во-первыхъ, что ночью приходилъ сюда развѣздъ изъ партіи Завадскаго, а во-вторыхъ, что нашъ эскадронъ вмѣсто Дзюбалтовскихъ Млыновъ очутился въ

10 верстахъ въ деревнѣ Дзюбалтовой. Казаки были посланы тотчасъ же къ капитану Чутѣ съ приказаніемъ присоединиться къ отряду; но пока Чутя получилъ извѣстіе, пока эскадронъ на рыскахъ прибылъ въ Сельпю, времени прошло много, и мы выступили поздно, чѣмъ бы слѣдовало: въ Шкуцынскомъ лѣсу драгуны увидѣли бѣгущихъ повстанцевъ, схватили нѣсколькихъ въ плѣнъ и узнали, что шайка за часъ передъ симъ была атакована русскими войсками и разбита на-голову. Плѣнные вызвались однако проводить насъ къ покинутому лагерю. Бараки были пусты, но разбросанныя вещи и валявшіеся повсюду трупы убитыхъ доказывали, что схватка была жаркая.

Впослѣдствіи уже изъ офиціальныѣ источниковъ мы узнали, что непріятель въ этотъ день былъ атакованъ ротой Бѣлозерскаго полка и 20 казаками, прибывшими изъ Радомска (на варшавско-вѣнской желѣзной дорогѣ), подъ командою штабсъ-капитана Обухова. Обуховъ получилъ при этомъ смертельную рану и дѣло окончилъ сотникъ Богаевскій, который, какъ говорятъ, съ косою въ рукахъ, первый ворвался въ непріятельскій лагерь.... (*)

По осмотрѣ бараконъ, драгуны зажгли ихъ и уже сѣли на коней, когда въ лѣсу раздались ружейныя выстрѣлы. Нѣсколько десятковъ инсургентовъ, скрывавшихся по близости, вздумали завязать перестрѣлку (**). Драгуны опять спѣшились, прогнали ихъ и присоединились къ пѣхотѣ, прошедшей изъ Дзюбалтовскихъ Млыновъ прямо въ деревню Липпы.

Такъ какъ шайка Завадскаго совершенно разсыпалась, то отрядъ на слѣдующій день выступилъ обратно въ Кельце.

На пути мы получили однако извѣстіе о появленіи Чаховскаго въ сѣверо-восточной части Опочинскаго уѣзда; вслѣдъ затѣмъ во многихъ деревняхъ мы заставали уже глухіе слухи о неудачномъ дѣлѣ маіора Хмѣльницкаго подъ Стефанковцами; далѣе, во Мневѣ, встрѣтили эстафету отъ штабсъ-капитана Кукушкина, извѣщавшаго объ опасномъ положеніи его въ Конскомъ. Вслѣдствіе этого маіоръ Бѣтковскій со всею пѣхотою былъ тотчасъ же направленъ по дорогѣ на Красникъ

(*) Кроме штабсъ-капитана Обухова, мы потеряли въ этомъ дѣлѣ 14 нижнихъ чиновъ и 20 казачьихъ лошадей.

(**) Говорятъ, что выстрѣлы раздались въ то самое время, когда казаки енимали съ дерева тѣло повѣшеннаго крестьянина. Крестьянинъ этотъ, по имени Андрей Мажець, былъ житель Сельпы и обвинялся мятежниками въ томъ, что подговаривалъ окрестныхъ мужиковъ къ бунту противъ помещиковъ.

и Неклань; генераль Ченгери съ орудіями и кавалерією возвратился въ Кельце, откуда выслалъ свѣжій отрядъ, подъ командою подполковника Сухонина, въ Конске и узналъ, что въ то же самое время особая колонна изъ трехъ ротъ Полоцкаго полка, подъ личною командою генераль-маіора барона Радена, направилась изъ Петрова къ Опочнѣ (*).

Въ Кельцахъ извѣстія о стефанковицкомъ дѣлѣ подтвердились. Но прежде чѣмъ рассказать нѣкоторые подробности этого печальнаго эпизода, припомнимъ, что въ то самое время, когда наши войска, въ началѣ апрѣля мѣсяца, стягивались къ Илженскому лѣсу, Чаховскій, переправившись за рѣку Каменную, скрытно прошелъ къ Пшесухѣ и 7-го или 8-го числа, миновавъ Большую Неклань, остановился на мѣстности, извѣстной подъ именемъ „Пекло“ (адъ). Мѣстность эта одна изъ самыхъ суровыхъ и дикихъ въ цѣлой Радомской губерніи. Обширные лѣса, ее окружающіе, до того дремучи, что если бы не слѣды тропинокъ, заваленныхъ грудями каменьевъ, то можно было бы подумать, что здѣсь никогда не ступала нога человѣка. Самымъ „Пекломъ“ называютъ гору, состоящую изъ огромныхъ каменныхъ глыбъ, какъ бы наваленныхъ одна на другую и образующихъ рядъ глубокихъ пещеръ, способныхъ навести ужась на суевѣрнаго зрителя. Гора покрыта лѣсомъ и до того высока, что въ ясные дни съ вершины ея видѣнъ весь Лысогурскій хребетъ и монастырь Св. Креста, лежащій отсюда болѣе чѣмъ въ 50 верстахъ разстоянія.

Видъ этой горы, суровость окружающей ее природы, легенды, созданныя народнымъ воображеніемъ о злыхъ духахъ, появлявшихся въ пещерахъ, по всей вѣроятности и подали поводъ къ характеристическому названію ее „Пекломъ“.

На этой-то недоступной мѣстности мятежники стали лагеремъ. Опочинскій уѣздъ былъ тогда занятъ только слабымъ баталіономъ Полоцкаго полка, двѣ роты котораго занимали Опочно, а двѣ прикрывали провіантскіе магазины въ Конске. Поэтому Чаховскій не ожидалъ съ ихъ стороны особенно энергическаго дѣйствія, какъ вдругъ, 10-го апрѣля, получилъ извѣстіе, что къ Пеклу приближаются русскіе.... Тотчасъ же были собраны самыя подробныя свѣдѣнія о силахъ и намѣреніи непріятели.

(*) Генераль-маіоръ баронъ Раденъ былъ начальникомъ военнаго отдѣла варшавско-вѣнской желѣзной дороги.

Оказалось, что идутъ двѣ полоцкія роты, выступившія изъ Опочно, подъ командою маіора Хмѣльницкаго. Слабый составъ ротъ, не превышавшихъ численностью 220 штыковъ, внушилъ Чаховскому мысль не уклоняться отъ боя, а, напротивъ, стараться заманить русскихъ въ глубь некланскихъ дебрей и тамъ, если окажется возможнымъ, нанести имъ рѣшительное пораженіе. Впрочемъ, несмотря на значительное превосходство въ силахъ (мятежниковъ было болѣе 1,000 человекъ), Чаховскій, какъ бы не смѣя рассчитывать на вѣрный успѣхъ, занялъ крѣпкую оборонительную позицію и на ней выжидалъ нападенія.

Часовъ въ десять утра отдаленные выстрѣлы извѣстили о приближеніи Хмѣльницкаго. Небольшая партія инсургентовъ, встрѣтившая его подъ Стефанковицами, начала отступать и навела отрядъ на главные силы Чаховскаго. Когда войска приблизились на вѣрный ружейный выстрѣлъ, повстанцы дали убійственный залпъ и двинулись впередъ съ намѣреніемъ охватить наши фланги. Полоцкія роты, въ первый разъ участвовавшія въ дѣлѣ, увидѣвъ, что ихъ окружаютъ, окончательно смѣшались и были безъ труда опрокинуты. Одинъ изъ ротныхъ командировъ, капитанъ Никифоровъ, раненый двумя пулями, остался на мѣстѣ и его потеря увеличила беспорядокъ. Роты, преслѣдуемая повстанцами, разсыпались по лѣсу, спасались по одиночкѣ и понесли значительный уронъ, состоявшій слишкомъ изъ шестидесяти человекъ убитыми, ранеными и пропавшими безъ вѣсти. Такого пораженія во время польской кампаніи наши войска ни прежде, ни послѣ никогда не испытывали. Съ нимъ можетъ идти въ параллель только одно извѣстное жиржинское дѣло, которое если и стоило намъ дороже стефанковицкаго, то только потому, что тамъ мы потеряли еще и орудія; въ нравственномъ же значеніи и то и другое дѣло совершенно одинаковы. Только нерѣшимость Чаховскаго, остановившагося передъ Стефанковицами, дозволила Хмѣльницкому собрать и отвести въ Опочно остатки своего отряда.

Когда полоцкія роты отступили, мятежники подобрали въ лѣсу нашихъ раненыхъ и съ торжествомъ отвели ихъ въ Пекло, гдѣ разъяренная толпа привѣтствовала плѣнниковъ неистовымъ крикомъ. Съ бранью и угрозами потащила она капитана Никифорова и четырехъ полоцкихъ солдатъ прямо къ

своему предводителю, который, въ припадкѣ ничѣмъ необъяснимого гнѣва, приказалъ ихъ повѣсить (*).

Невозмутимое спокойствіе, съ которымъ Никифоровъ выслушалъ свой смертный приговоръ, рѣзкіе укоры его Чаховскому и благородная рѣшимость скорѣе умереть подъ пыткой, чѣмъ оказать хотя малѣйшее уничтоженіе передъ толпою бунтовщиковъ, довели поляковъ до неистовства: они подвергли его самымъ жестокимъ, унижительнымъ истязаніямъ и повѣсили только тогда, когда убѣдились, что ничѣмъ не въ состояніи поколебать его мужества. Но и повѣшенный, Никифоровъ былъ страшенъ еще для своихъ противниковъ. Въ послѣднихъ судорогахъ — говорить одинъ очевидецъ — правая рука его со сжатымъ кулакомъ вдругъ поднялась вверхъ и начала грозить изувѣрамъ. Это произвело потрясающее впечатлѣніе на суевѣрныхъ ляховъ: они въ ужасѣ бросились бѣжать отъ мѣста кровавой казни....

Вскорѣ послѣ этого происшествія въ Неглани случилось быть отряду полковника Эррота. Въ Мостискахъ отъ него отдѣлилась небольшая колонна штабсъ-капитана Кукушкина, которая прошла до Пекла, чтобы тамъ, на мѣстѣ, провѣрить слухъ, распространившійся тогда вездѣ о мученической смерти нашихъ плѣнныхъ, взятыхъ подъ Стефанковицами. Могила, дѣйствительно, была найдена и открыта; тѣла, вынутыя изъ земли, оказались нагими, съ веревками на шеяхъ и, кромѣ того, у Никифорова замѣчены были двѣ раны пулями: одна въ правой рукѣ, выше локтя, другая въ правой ногѣ, ниже колѣна, обѣ съ раздробленіемъ кости. Прочіе воинскіе чины также были ранены и носили на себѣ явные слѣды безчеловѣчныхъ истязаній (**). Актъ о подлинности печальнаго происшествія засвидѣтельствованъ былъ всѣми нижними чинами и понятыми, взятыми нарочно съ тѣмъ, чтобы имѣть свидѣтельство частныхъ лицъ, не принадлежащихъ къ войску.

(*) Рассказываютъ, что Никифоровъ былъ принятъ мятежниками за капитана Смоленскаго полка Краевича, который, подобно майору Бянтковскому, давно приговоренъ былъ ими къ смерти. Другіе полагаютъ, что Чаховскій сдѣлалъ это, какъ бы въ отищеніе за смерть *Гжмота*, одного изъ любимыхъ своихъ офицеровъ, убитаго подъ Стефанковицами пулею въ сердце. *Гжмотъ* (громъ) былъ псевдонимъ Доброгосскаго, капитана Галицкаго полка, передавагоса вслѣдствіе романтической любви къ одной изъ самыхъ рьяныхъ польскихъ патриотокъ.

(**) Въ могилѣ найдены были тѣла капитана Никифорова, четырехъ солдатъ Полоцкаго полка, фельдшера и неизвѣстнаго челоуѣка, повидному мѣщанина или крестьянина.

По составленіи акта, замученные страдальцы положены были опять въ одну общую, вырытую солдатами, могилу, надъ которою крестьяне поставили простой деревянный крестъ. Крестъ этотъ, можетъ быть, стоять и до сихъ поръ; но тѣла Никифорова и его сослуживцевъ, по ходатайству командира Полоцкаго полка, полковника Нельсона, въ 1865 г. были перевезены въ Петровъ, гдѣ съ военными почестями погребены въ оградѣ православнаго собора.

Смерть мужественно-непоколебимаго Никифорова не прошла незамѣченною въ средѣ нашего общества (*); къ ней отнеслись сочувственно всѣ русскіе люди и самая личность этого челоуѣка, опозитизированная вѣнцомъ мученической кончины, выдвинулась изъ темной своей неизвѣстности. Стали интересоваться даже его прошедшимъ; но въ этомъ прошедшемъ не было ничего необыкновеннаго. Никифоровъ происходилъ изъ бѣдныхъ дворянъ Архангельской губерніи, прослужилъ 23 года въ военной службѣ, сражался на Кавказѣ, въ Венгріи, въ Турціи, въ Севастополѣ и дослужился только до капитанскаго чина.

Извѣстіе о пораженіи Хмѣльницкаго было получено въ Радомѣ въ самый день стефанковицкаго дѣла. Одинъ казакъ, пробравшись лѣсомъ мимо непріятеля, явился къ генералу Ушакову и сообщалъ ему подробности несчастнаго происшествія. Въ первыя минуты казаку никто не повѣрилъ: до того привезенное имъ извѣстіе было не похоже на все, что мы привыкли слышать о дѣлахъ съ инсургентами; но вслѣдъ за нимъ въ Радомѣ стали прибывать раненые нижніе чины изъ опочинскаго отряда и подтвердили событіе, печальнаго окончанія котораго они были свидѣтелями. Сомнѣваться болѣе было нельзя. Полковникъ Эрротъ получилъ приказаніе двинуться въ Опочно, чтобы предупредить какія-либо дурныя послѣдствія отъ стефанковицкаго дѣла. Ему предоставлено было дѣйствовать противу шаекъ, если шайки окажутся въ лѣсахъ между Опочно, Конскомъ и Шидловцами, и затѣмъ поскорѣе возвратиться въ Радомѣ.

О направленіи отрядовъ изъ Кельца, а тѣмъ болѣе изъ Петрова, въ Радомѣ, разумѣется, не было извѣстно; такъ что отдѣльныя экспедиціи барона Радема, Эррота и Бѣнтков-

(*) Государь Императоръ, „во вниманіе къ мужественной кончинѣ капитана Никифорова“, пожаловалъ вдовѣ его пожизненную пенсію въ 150 р. 50 к. с.

скаго нисколько не были соображены съ какою-либо общеоцѣлю. Это, какъ увидимъ ниже, помогло Чаховскому выйти изъ затруднительнаго положенія.

Получивъ черезъ лазутчиковъ вѣрныя извѣстія о направленіи отрядовъ, Чаховскій, 11-го апрѣля, покинулъ некланскій лагерь, и чтобы замаскировать свои движенія, распустилъ слухъ о намѣреніи овладѣть провіантскими магазинами въ Конске. Мѣстечко это, принадлежащее графамъ Малаховскимъ, лежитъ на небольшой песчаной равнинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ обширными лѣсами, способствующими, какъ нельзя болѣе, скрытому подступу непріятеля, и такъ какъ гарнизонъ состоялъ только изъ двухъ слабыхъ ротъ Полоцкаго полка, то Чаховскому, дѣйствительно, удалось привлечь туда вниманіе маіора Бѣтковскаго.

Имѣя въ виду предохранить отъ истребленія наши провіантскіе запасы и успокоить своимъ появленіемъ колебавшіеся умы жителей, Бѣтковскій въ тотъ же день вечеромъ прибылъ въ Конске и нашелъ мѣстечко въ большой суматохѣ. Здѣсь уже знали о намѣреніи Чаховскаго, и кто только могъ — тотъ выбирался со всѣми пожитками, предвидя, что неизбежнымъ послѣдствіемъ нашествія будутъ грабежи, контрибуціи, а можетъ быть и висѣлицы. На первомъ планѣ солдаты увидѣли комическую фигуру оборванной и грязной еврейки, которая стремительно перебѣгала улицу съ ведрами въ обѣихъ рукахъ. Казалось, что въ головѣ ея наступающая опасность сложилась въ одно неясное представленіе близкаго пожара, и она старалась заранѣе снабдить водою свою до-нельзя покривившуюся хату, въ пятый разъ кидаясь съ ведромъ къ сосѣднему колодцу. На улицахъ былъ хаосъ; площадь была загромождена разными вещами, между которыми безтолково метались оторопѣвшіе жидки въ черныхъ хламидахъ и въ туфляхъ, называемыхъ у солдатъ шлепанцами. Съ минуты на минуту ожидали извѣстія о появленіи Чаховскаго, а потому, чтобы успокоить жителей, Бѣтковскій объявилъ, что будетъ ночевать въ городѣ. Но какова же была досада, когда поутру узнали, что слухи о нападеніи на Конске были ложны, и что Чаховскій, заставивъ насъ сойти съ некланской дороги, самъ бросился по ней черезъ Сельпье въ Радошицкіе лѣса и очутился на югѣ, когда войска искали его на сѣверѣ (*).

(*) Надо сказать, что въ это же самое время часть варшавскаго отряда гене-

Оставалось одно: преслѣдовать непріятеля форсированнымъ маршемъ.

Чаховскій находился въ Радошицахъ, когда узналъ о движеніи Бѣитковскаго и, чтобы снова запутать свой слѣдъ, написалъ значительный эллипсъ, перерѣзалъ вторично дзюбалтовское шоссе въ Мневѣ и опять остановился въ Красномъ.

Невозможность настигнуть мятежниковъ, гоняясь за ними по слѣду, съ отрядомъ, утомленнымъ девятидневными безостановочными маршами, сдѣлалась очевидною. Бѣитковскій остановился во Мневѣ, чтобы подождать подкрѣпленія, которое, по расчету времени, должно было прибыть изъ Кельца, а Чаховскій, воспользовавшись этою остановкою, опять поднялся къ сѣверу и сталъ между Некланью и Пшесухою. Евреи, передававшіе эти свѣдѣнія, говорили, что лагерь раскинуть на нѣсколько верстъ и что сила мятежниковъ простирается до пяти тысячъ.

Простоявъ на мѣстѣ цѣлыя сутки и не получивъ подкрѣпленія, Бѣитковскій рѣшился одинъ продолжать преслѣдованіе и вечеромъ 13-го апрѣля писалъ къ генералу Ченгери: „Я ждалъ подполковника Сухонина цѣлый день, но болѣе ожидать

раи-маіора барона Миллера Закомельскаго, производившая поиски по лѣвому берегу Пилицы, перешла въ Радомскій отдѣлъ и въ Бжузахъ (верстахъ въ 20 отъ Козьницы) напала на шайку Янковскаго. Шайка эта состояла изъ остатковъ значительной банды, разбитой графомъ Крейцемъ еще въ мартѣ мѣсяцѣ и переправившейся затѣмъ изъ Варшавской въ Радомскую губернію. Янковскій, атакованный въ Бжузахъ 8-го апрѣля полковникомъ Тевесомъ, имѣвшимъ подъ своею командою роту л.-гв. Литовскаго полка, три взвода гвардейскихъ уланъ и сотню казаковъ, скрылся въ Илженскій лѣсъ, а Тевесъ, потерявъ въ бою 2 казаковъ убитыми и 6 ранеными, возвратился въ Бѣлобжеги, откуда весь отрядъ, усмеленный еще двумя ротами Могилевскаго полка и эскадрономъ екатеринославскихъ драгунъ, направленъ былъ для поисковъ въ сѣверную часть Опочинскаго уѣзда. Поиски эти ограничились, впрочемъ, только окрестностями Новаго-Мѣста, послѣ чего варшавскій отрядъ 13-го числа перешелъ обратно за Пилицу, а эскадронъ, вмѣстѣ съ могилевскими ротами, возвратился въ Радомъ.

Дѣйствія барона Радена также ограничились только тѣмъ, что онъ прошелъ изъ Петрова до Опочно и обратно, оставивъ одну изъ своихъ ротъ для усиленія маіора Хильницкаго.

Что касается Эрнротъ, то отрядъ его изъ Радома прошелъ черезъ Опочно въ Конскъ, гдѣ 12-го числа военный начальникъ сообщилъ ему, что за день передъ симъ здѣсь проходилъ отрядъ Бѣитковскаго, и что мятежники, по всей вѣроятности, находятся въ Некланьскомъ лѣсу. Въздѣствие этого, Эрнротъ въ полночь на 13-е число выступилъ въ Неклань; но тамъ свѣдѣнія объ инсургентахъ были самыя сбивчивыя, такъ что Эрнротъ, имѣя въ виду приказаніе скорѣе окончить экспедицію, поручилъ штабсъ-капитану Кукушкину осмотрѣть лѣсъ, а самъ возвратился въ Радомъ.

не вижу надобности: люди мои отдохнули, пообедали и я могу идти весь день, чтобы возратить время, потерянное дневкою“.

Съ разсвѣтомъ 14-го апрѣля отрядъ дѣйствительно двинулся на Красный. Слѣды проходившихъ здѣсь мятежниковъ обозначались трупами крестьянъ, повѣшенныхъ на деревьяхъ по нѣскольку человекъ вмѣстѣ. По положенію труповъ можно было судить, что инсургенты, издѣваясь надъ мертвыми, давали имъ съ намѣреніемъ различныя позы и закладывали имъ руки такъ, какъ будто бы они обнимались между собою. Видъ мертвецовъ былъ страшень, и надо было имѣть нечеловѣческіе нервы, говорить одинъ очевидецъ, чтобы, не содрогаясь, смотреть на подобное зрѣлище. Солдаты были взволнованы и ожесточены; въ сплоченныхъ рядахъ ихъ слышался ропотъ негодованія, и грозный кликъ, „что плѣнныхъ не будетъ“ не разъ проносился изъ конца въ конецъ по отряду.

Многіе утверждали тогда, что подобныя жестокости были совершаемы вездѣ по личному приказанію Чаховскаго, за которымъ такъ и остались названія фанатика и мрачнаго изуверъ; но въ сущности, какъ сознаются повстанцы, Чаховскій былъ только исполнителемъ воли народоваго жонда, который въ террорѣ видѣлъ единственное средство удержать крестьянъ въ повиновеніи.

Въ Большой Неклани, на заводахъ графа Платера, Бѣнтковскій нашелъ 14 человекъ мятежниковъ, раненыхъ въ стефанковицкомъ дѣлѣ и лечившихся на счетъ помѣщика. Здѣсь же впервые онъ узналъ о смерти капитана Никифорова и его товарищей по плѣну, но безъ всякихъ подробностей, которыя сдѣлались извѣстными только впоследствии.

Въ Неклани къ Бѣнтковскому прибыло наконецъ давно ожидаемое подкрѣпленіе (*); и отряды, утромъ 15-го апрѣля, двинулись къ Сухадневу, куда уходилъ Чаховскій, еще не зная, что въ Сухадневѣ съ минуты на минуту ожидали прибытія подполковника Насѣкина, который съ тремя ротами Смоленскаго полка выступилъ уже изъ Слупя-Нова. Положеніе инсургентовъ было весьма затруднительное; но тутъ случилось

(*) Оказалось, что подполковникъ Сухонинъ вышелъ изъ Кельца еще 10-го апрѣля, но, обманутый ложными показаніями жителей, не пошелъ къ Конску, а искалъ соединенія съ Бѣнтковскимъ гдѣ-то въ окрестностяхъ Самсоновскаго лѣса, и разумеется неудачно. По возвращеніи его въ Кельце, генералъ Ченгери выслалъ опять тотъ же самый отрядъ, но уже къ Неклани, и поручилъ начальство командиру казачьяго полка подполковнику Севастьянову.

слѣдующее обстоятельство: когда Насѣкинъ, 14-го апрѣля, въ сумеркахъ, вошелъ въ Сухадневъ, войтъ-гминный сообщилъ ему, что инсургенты будто бы прошли уже черезъ мѣстечко и что шеститысячная банда ихъ расположилась бивуаками въ опушкѣ близлежащаго лѣса. Насѣкинъ повѣрилъ и отошелъ отъ Сухаднева, а Чаховскій по слѣдамъ его занялъ городъ, спокойно переночевалъ въ немъ и утромъ еще спокойнѣе двинулся дальше, такъ что когда въ Сухадневъ подоспѣлъ Бѣитковскій, то преслѣдовать мятежниковъ было уже бесполезно.

Экспедиція была окончена.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что 15-го апрѣля, во время движенія по Самсоновскому лѣсу, Бѣитковскій имѣлъ незначительную стычку, состоявшую въ томъ, что казаки его наткнулись на конную партію, дали по ней залпъ, причемъ одинъ повстанецъ упалъ раненый, а остальные разсѣялись. Раненый, взятый въ плѣнъ, оказался Ипполитомъ Завадскимъ. Его перевезли въ Кельце, помѣстили въ госпиталь, но, несмотря на все стараніе медиковъ, онъ умеръ, съѣвши, какъ говорятъ, черезчуръ большую порцію мороженого. Отсюда слухъ, будто онъ былъ отравленъ самими поляками, опасавшимися съ его стороны излишней откровенности; но такой слухъ опровергается уже тѣмъ, что когда тѣло Завадскаго, по просьбѣ его невѣсты, было перенесено изъ госпиталя въ домъ ея родственниковъ, то цѣлый городъ принялъ участіе въ его похоронахъ, и гробъ, осыпанный цвѣтами, до самаго кладбища несли на рукахъ панны и паненки, при огромномъ стеченіи народа и католическаго духовенства.

Съ переходомъ въ Опатовскій уѣздъ, Чаховскій, чтобы лучше избѣжать преслѣдованія, раздѣлился на нѣсколько партій: главное скопище держалось по Вислѣ, между Пулавами и Завихвостьемъ; небольшая партія Лопадкаго прошла къ Сташову въ Курозвѣнскіе лѣса; другая, Грелинскаго, отдѣлилась на сѣверъ въ окрестности Вонхоцка, а далѣе, въ лѣсахъ Козеницкихъ, расположилась банда Кононовича (*).

Мелкія партіи, легко уклонявшіяся отъ встрѣчи съ нашими войсками, разсыпались опять по всѣмъ деревнямъ, прекращая платежъ податей, вѣшая преданныхъ намъ чиновниковъ и си-

(*) Это была банда Туркете, который, какъ кажется, бѣжалъ за границу, будучи отрѣшенъ Чаховскимъ отъ командованія частію, еще въ началѣ апрѣля мѣсяца, „за вѣшаніе людей безъ смыслу и толку“.

стематически занимаясь утверждениемъ въ странѣ власти революціоннаго правительства. При отсутствіи нашего вліянія, масса сельскаго населенія колебалась, а между тѣмъ по рукамъ у насъ стали ходить копіи знаменитаго декрета, съ которымъ народовой жондъ обратился къ западнымъ державамъ (*), и на ряду съ нимъ появились прокламаціи, призывавшія всѣхъ къ поголовному вооруженію. „Обратите ваши плуги въ оружіе„ говорилось въ возваніяхъ, „живо гуйте мечи, точите косы—и кто только можетъ ступайте въ поле!... И ранѣе, чѣмъ упадутъ весеннія листья и завянутъ цвѣты и зеленые хлѣбные колосья—москаля не будутъ поирать вашей ойчизны“.

Зачинщики волненія распространяли слухъ объ иностранной помощи, долженствовавшей содѣйствовать вооруженному движенію въ царствѣ, и эти слухи сильно вліяли на ремесленную молодежь, которая, бросая все, охотно шла въ банды. Многіе и изъ нашихъ офицеровъ съ семействами, похожими на польскія, получали тогда письменныя приглашенія отъ „жонда“ оставить московскія ряды и поступить въ службу національной арміи, подъ угрозой, въ противномъ случаѣ, лишиться гражданскихъ и политическихъ правъ въ тотъ день, когда вся Польша объявлена будетъ свободною и независимою страной!... (**)

При такомъ-то состояніи дѣла, въ Кельцахъ вдругъ пронеслась тревожная вѣсть объ истребленіи русскаго отряда подъ Островцами. Къ счастью, извѣстіе оказалось преувеличеннымъ: отрядъ, окруженный со всѣхъ сторонъ шайками Чаховскаго, Грелинскаго и Кононовича, пробился къ Опатову, но потерялъ убитымъ храбраго и достойнаго своего начальника маіора Клевцова.

Клевцовъ (***) принадлежалъ къ числу тѣхъ почтенныхъ, исчезающихъ уже нынѣ типовъ, добрыхъ армейскихъ служивыхъ, которые тихо и незамѣтно проходятъ свое служебное

(*) Въ этомъ знаменитомъ декретѣ поляки, прося прислать 30,000 войска и 100,000 штуцеровъ для войны съ Россією, прибавляли, „что ежели этого не будетъ исполнено, то они соединятся съ Москвою и бросятся на Западъ съ тѣмъ, чтобы стереть съ лица земли его цивилизацію!.....“

(**) Можно себѣ представить какое произвело впечатлѣніе это пресловутое „лишеніе гражданскаго права“—на тѣхъ людей, которые хотя и носили фамиліи, оканчивающіяся на *скій* и *ичъ*, но были чистокровными уроженцами Курской, Черниговской, Воронежской и иныхъ російскихъ губерній!

(***) Клевцовъ командовалъ 1-мъ дивизиономъ и лейбъ-эскадрономъ Екатеринославскаго драгунскаго полка.

поприще, не думая о карьерѣ, но часто тая въ себѣ высокія нравственныя качества и горячую энергію, служащую въ военномъ дѣлѣ отличительнымъ признакомъ истиннаго дарованія. Клевцовъ былъ человѣкъ безпримѣрной честности, отважный, рѣшительный, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ въ полку, гдѣ величали его патриархальнымъ названіемъ „дяди“.

Смерть его произвела на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе. И, въ самомъ дѣлѣ, нельзя было помирится съ мыслию, чтобы Чаховскому безнаказанно проходили нападенія на наши маленькія колонны. Нужно же было наконецъ предпринять что-нибудь рѣшительное, и вотъ заговорили, что въ Радомѣ составленъ обширный планъ для окончательнаго истребленія этой шайки, и что войска келецкаго гарнизона также примутъ участіе въ предполагаемой облавѣ къ западу. Но пока объ этомъ говорили, въ Кельце прискакалъ курьеръ съ новымъ, еще болѣе неожиданнымъ извѣстіемъ о совершенномъ разгромѣ Чаховскаго между Жечневомъ и Грабовцами отрядомъ подполковника Насѣкина.

Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ мы ожидали подробныхъ извѣстій о ходѣ военныхъ дѣйствій въ Опатовскомъ уѣздѣ. 30-го апрѣля Насѣкинъ возвратился, и мы наконецъ могли узнать слѣдующія подробности.

15-го числа (когда Чаховскій прошелъ уже Сухадневъ), эскадронъ Екатеринославскихъ драгунъ и рота Могилевскаго полка, выступивъ изъ Островца подъ командою маіора Клевцова, прибыли въ Броды и здѣсь получили свѣдѣніе, что въ Илженскомъ лѣсу формируется новая шайка, подъ предводительствомъ какого-то Гульковскаго. Было уже поздно; но Клевцовъ выступилъ розыскивать ее немедленно. Скоро въ лѣсу дорога раздѣлилась: одна пошла на Любень, другая, лѣвая, на Вержбникъ. Такъ какъ было замѣчено, что непріятельскіе пикеты, снимавшіеся при нашемъ приближеніи, уходили по первой, то Клевцовъ, зная, что поляки весьма часто употребляютъ этотъ маневръ, чтобы отвлечь войска въ противоположную сторону, быстро пошелъ къ Вержбнику. Какъ только повернули налѣво, сейчасъ же замѣтили нѣсколько всадниковъ, безпечно ѣхавшихъ по лѣсу. Всадники были настигнуты и изрублены драгунами, которые, можетъ быть, на этомъ бы и остановились, но повстанцы, скрывавшіеся въ придорѣжныхъ кустахъ, въ числѣ четырехъ-сотъ человѣкъ, не выдержали и дали о

себѣ знать дружнымъ залпомъ.... На выстрѣлы подоспѣлъ Клевцовъ съ могилевскою ротою и дѣло окончилось такимъ поражениемъ непріятеля, что лишь нѣсколько человѣкъ, и то впоследствии, присоединились къ Чаховскому, а остальные разсѣялись и разошлись по домамъ.

Въ отрядѣ было ранено трое солдатъ и нѣсколько драгунскихъ лошадей.

Спустя нѣсколько дней, когда Клевцовъ находился въ Опатовѣ, получены были свѣдѣнія, что шайка Грелинскаго напала и разграбила Островець. Клевцовъ, со своимъ эскадрономъ и двумя ротами (*), тотчасъ же отправился въ погоню; но изъ Кушова долженъ былъ поспѣшно возвратиться въ Островець, вслѣдствіе новыхъ извѣстій, что Чаховскій намѣренъ произвести на городъ вторичное нападеніе.

Въ Островцѣ Клевцовъ узналъ, что Чаховскій стоитъ въ Ожаровѣ и тотчасъ же послалъ эстафету въ Опатовъ, прося подполковника Голубова соединиться съ нимъ въ д. Борію для совокупныхъ дѣйствій противъ мятежниковъ. Разсказывали тогда, будто шайка Чаховскаго намѣревалась переправиться за Вислу въ Люблинскую губернію, но, не найдя перевозочныхъ средствъ, рѣшилась до времени завѣть деревню Балтувъ, извѣстную своею неприступною мѣстностію на высокой горѣ, окруженной обрывами и отвѣсными скалами.

Въ Борію Клевцовъ прибылъ въ тотъ же день около шести часовъ пополудни. Голубова еще не было, а между тѣмъ на противоположномъ берегу Каменной изъ лѣсу стала показываться непріятельская конница. Такъ какъ мосты на рѣкѣ были сняты, то Клевцовъ, не желая терять времени, кинулся съ драгунами въ бродъ и лицомъ къ лицу очутился со всѣми силами Чаховскаго. Скоро подоспѣла наша пѣхота; но и она, уступая превосходству силъ непріятеля, принуждена была отойти къ деревнѣ Лемеже. Тогда завязалась сильная перестрѣлка. Ясно было, что непріятель сосредоточилъ здѣсь большія массы, и что бой будетъ упорный.

Дѣйствительно, черезъ полчаса передъ деревнею стали формироваться большія колонны; но пока наше вниманіе было привлечено въ эту сторону, отдѣльная партія, скрытно пробравшаяся лѣсомъ, заняла стадолы, стоявшіе въ самомъ концѣ деревни и начала поражать насъ продольными выстрѣлами.

(*) Одна рота была Могилевскаго, другая Галицкаго полковъ.

Положеніе отряда становилось критическимъ. Клевцовъ рѣшился ввести въ дѣло свой послѣдній резервъ и, спѣшивъ эскадронъ, приказалъ ему штыками выбить непріятеля изъ стаоловъ. Стадолы были взяты, но въ то же время непріятельская цѣпь атаковала насъ съ фронта. Три раза Клевцовъ выдвигалъ эскадронъ съ тѣмъ, чтобы пустить его въ атаку и три раза цѣпь, быстро отступая въ опушку лѣса, осыпала его пулями.

Бой продолжался съ шести часовъ до поздняго вечера, не склоняясь ни на ту, ни на другую сторону. Говорятъ, будто Чаховскій колебался нанести намъ рѣшительный ударъ только потому, что по упорной защитѣ полагалъ насъ гораздо сильнѣе, чѣмъ мы были въ дѣйствительности. Съ наступленіемъ ночи пальба по всей непріятельской линіи мало по малу затихла и Клевцовъ, воспользовавшись этимъ, спокойно отступилъ въ Боріо.

На разсвѣтѣ 23-го апрѣля, пикеты, выставленные нами по рѣчкѣ, дали знать, что непріятель наступаетъ со стороны Лемеже. Невозможность долго удерживаться въ Боріо заставила Клевцова отступать въ Островецъ, откуда онъ все еще ожидаетъ появленія подполковника Голубова.

Вступая въ лѣсъ, Клевцовъ разсыпалъ небольшую цѣпь и, погруженный въ глубокую задумчивость, ѣхалъ одинъ впереди колонны. Вдругъ справа и слѣва грянулъ убійственный залпъ. Это былъ Кононовичъ (а по словамъ другихъ Грелинскій), который ночью съ значительною бандою успѣлъ сдѣлать фланговое движеніе черезъ Руду-Косцельну, чтобы отрѣзать насъ отъ Острова. При первыхъ выстрѣлахъ Клевцовъ кинулся впередъ, крикнулъ „въ штыки!“ и въ то же мгновеніе, пораженный пулею въ сердце, упалъ съ лошади.... Инсургенты окружили отрядъ и всѣми силами ударили на могилевскую роту, слѣдовавшую въ арьергардѣ.

Поручику Бѣлоперковскому (*), принявшему начальство послѣ смерти Клевцова, оставалось одно—пробиться въ Островецъ. Пока могилевцы удерживали натиски съ тылу, галицкая рота штыками отбрасывала непріятеля, старавшагося преградить ей дорогу, и въ такомъ порядкѣ, на протяженіи семи верстъ, войска продолжали отходить по густому лѣсу. Наконецъ показался Островецъ; драгуны тотчасъ же проскакали впе-

(*) Екатеринбургскаго драгунскаго полка.

редъ, заняли позицію подъ городомъ и приготовились пропустить за себя отступающую пѣхоту. Подоспѣвшій Чаховскій увидѣлъ съ досадою, что отрядъ ускользнулъ изъ его рукъ и, недовольный ничтожными результатами дѣла, приказалъ остановить преслѣдованіе.

Въ обоихъ дѣлахъ, 22-го и 23-го апрѣля, кромѣ маіора Клевцова (тѣло котораго было вынесено изъ боя драгунами и потомъ погребено въ Опатовѣ), отрядъ потерялъ 11 человекъ убитыми и ранеными одного оберъ-офицера (*) и 18 нижнихъ чиновъ.

Въ тотъ самый день, когда Клевцовъ сражался въ Боріо, Голубовъ находился еще въ Опатовѣ, ожидая прибытія подполковника Насѣкина, которому съ утра послалъ въ Слупя-Ново извѣстіе о сборѣ значительныхъ шаекъ противъ Клевцова. Насѣкинъ прибылъ въ Опатовъ съ тремя ротами Смоленскаго полка около девяти часовъ вечера и послѣ короткаго отдыха двинулся прямо въ Ожаровъ, куда вмѣстѣ съ нимъ вышелъ и подполковникъ Голубовъ съ ротою Галицкаго полка. Въ Ожаровъ прибыли на разсвѣтѣ 23-го апрѣля и нашли мѣстечко уже занятымъ отрядами маіора Непенина, подоспѣвшаго съ частію пограничной стражи изъ Завихвостья, и маіора Чеславскаго—съ ротою Галицкаго полка изъ Сандомира.

Скоро евреи доставили извѣстіе, что сильная ружейная перестрѣлка слышна за д. Боріо, по дорогѣ въ Островець. Предполагая, что это сражается Клевцовъ, Насѣкинъ со всемъ отрядомъ двинулся къ нему на помощь; но вечеромъ, подходя къ Рудѣ Косцельной, узналъ, что дѣло окончилось и нашъ отрядъ, потерявъ убитымъ своего начальника, отступалъ въ Опатовъ.

Переночевавъ въ Боріо и собравъ свѣдѣнія, что шайки, разграбивъ Островець (**), и повѣсивъ въ немъ бургомистра, удалились на сѣверъ. Подполковникъ Насѣкинъ на слѣдующій день двинулся за ними черезъ деревни Балтувъ, Осувку, Новую-Весъ, Яворы и наконецъ достигнулъ Чаховскаго въ д. Жечневой. Выбитые отсюда нашею стрѣлковою цѣпью, мятежники бросились къ Грабовцу и на дорогѣ заняли небольшой перелѣсокъ, думая здѣсь остановить наше наступленіе. 2-я и

(*) Могилевскаго пѣхотнаго полка поручикъ Кожановскій.

(**) Мятежники зажгли Островець съ четырехъ сторонъ, такъ что наши войска застали на мѣстѣ его одно пепелище.

4-я роты Галицкаго полка, стоявшія въ центрѣ боеваго порядка, тотчасъ же двинулись въ атаку. Онѣ пошли сомкнутыми колоннами, съ барабаннымъ боемъ, и, ворвавшись въ лѣсъ, ударили въ штыки съ фронта, когда смоленскія роты охватили неприятеля съ фланговъ и съ тылу. Пораженіе Чаховскаго было полное, и ежели шайка его не была истреблена окончательно, то только потому, что при отрядѣ не было кавалеріи, которая могла бы преслѣдовать мятежниковъ, бѣжавшихъ болѣе двухъ верстъ по совершенно открытому полю.

Потеря наша въ дѣлѣ 24-го апрѣля состояла изъ 8 нижнихъ чиновъ убитыми и 20 ранеными. Неприятель оставилъ на мѣстѣ 90 труповъ, множество оружія, небольшое чугунное орудіе и 8 человекъ плѣнныхъ (*).

Въ числѣ плѣнныхъ особенное вниманіе обратилъ на себя пѣвчо Осипъ Гузовскій, на котораго указывали, какъ на палача тридцати человекъ, повѣшенныхъ по приказанію Чаховскаго. Свидѣтелемъ противъ Гузовскаго явился Турбинъ, рядовой 10-й роты Смоленскаго полка, личность въ своемъ родѣ весьма замѣчательная. Турбинъ былъ взятъ мятежниками въ плѣнъ, во время дѣла полковника Эрнота подъ Бродами и, содержась въ Неклани, былъ очевидцемъ казни Никифорова и его товарищей. Самого Турбина тоже было повѣсили за одно съ стефановицкими плѣнными, но на немъ оборвалась веревка и этому—то случайному обстоятельству Турбинъ обязанъ былъ своимъ спасеніемъ. По просьбѣ инсургентовъ, Чаховскій согласился его помиловать.

Жечневскимъ дѣломъ закончился рядъ экспедицій, предпринятыхъ нами противъ Чаховскаго. Долго послѣ этого о немъ не было никакихъ извѣстій: полагали даже, что онъ ушелъ за Вислу; но потомъ слѣды его открылись въ лѣсахъ между Едльной и Бжузой, а еще позднѣе распространилась молва, что онъ скрывается въ Святыхъ Горахъ, куда прибылъ только съ четырьмя-стами отборныхъ стрѣльцовъ, распустивъ по домамъ конницу и коченеровъ.

О дальнѣйшемъ дѣйствіи противъ этого скопища мы скажемъ въ свое время, а теперь, для полноты разсказа, перенесемъ въ юго-западные уѣзды и посмотримъ что происходило

(*) Кроме того, въ самомъ Грабовцѣ было взято вѣсколько знаменъ. Солдаты, забравшіеся въ одинъ домъ, услышали шумъ въ дымовой трубѣ и вытащили отъ туда господина, старавшагося припрятать тамъ польскія „хоронгви“ (знамена).

тамъ, гдѣ центромъ революціоннаго движенія былъ Краковъ и его окрестности.

Что инсургенты избрали Краковъ мѣстомъ формировація шаекъ — это понятно; но совершенно непонятно, какъ они упустили изъ виду трудность вторженія шаекъ въ наши предѣлы и еще большую трудность расположить въ свою пользу жителей, на которыхъ по отдаленности не могли имѣть прямого вліянія.

Чтобы познакомить читателей съ самымъ характеромъ военныхъ дѣйствій на нашей южной границѣ, передадимъ нѣкоторыя подробности, заимствованныя нами исключительно изъ разсказа очевидцевъ.

Первыя извѣстія о вторженіи инсургентовъ были получены въ Олькушѣ въ ночь съ 9-го на 10-е апрѣля. Съ пограничнаго поста прискакалъ объѣздчикъ и далъ знать, что банда въ числѣ 420 человекъ, выступивъ изъ Кшишовиць (въ Галиціи), перешла границу и лѣсами между Олькушемъ и Славковомъ направилась къ Вольброму. Князь Шаховской немедленно выслалъ вслѣдъ за нею роту и полуэскадронъ драгунъ, подъ командою штабсъ-капитана Антипова (*).

Антиповъ въ тотъ же день прибылъ въ Гольдчавицу и узналъ, что мятежники, при нашемъ приближеніи, отошли въ близлежащей лѣсѣ, въ полуверстѣ отъ котораго виднѣлась корчма Кермасувъ, занятая, какъ говорили жители, коннымъ непріятельскимъ пикетомъ.

Двѣнадцать человекъ драгунъ вызвались снять этотъ пикетъ. Они обскакали корчму съ двухъ сторонъ и такъ стремительно бинулись на повстанцевъ, что пикетъ (до 30 всадниковъ) въ безпорядкѣ понесся къ лѣсу; драгуны рубили бѣжавшихъ, а между тѣмъ на помощь къ нимъ подоспѣла рота. Но тутъ случилось замѣчательное обстоятельство: перестрѣлка, начатая витебскою ротою, длилась около четырёхъ часовъ сряду, обѣ стороны разстрѣляли свои патроны, и ни та, ни другая не рѣшилась перейти въ наступленіе (**).

Антиповъ послалъ эстафету къ князю Шаховскому, прося поддержанія; но, не дождавшись отвѣта, самъ двинулся въ Олькушъ и разошелся съ княземъ Шаховскимъ, который слѣдовалъ къ нему на помощь съ тремя ротами и двумя орудіями.

(*) Витебскаго пѣхотнаго полка.

(**) Въ отрядѣ убита одна драгунская лошадь, и то при преслѣдованіи пикета.

Пока Антиповъ возвращался къ Гольдчавицамъ, князь Шаховской выгналъ изъ лѣсу повстанцевъ и не преслѣдовалъ ихъ, потому что подь-рукою не было кавалеріи.

На слѣдующій день мятежники, тѣснимые олькушскимъ отрядомъ съ юга, бросились въ лѣса, прилегающіе къ желѣзной дорогѣ, и тамъ, около станціи Мышкова, были окончательно разбиты ротою Витебскаго полка, подь командою маіора Андреева (*).

Разсказываютъ, между прочимъ, что послѣ гольдчавицкаго дѣла, когда отрядъ князя Шаховскаго возвращался въ Олькушь, на встрѣчу ему подь Влодовицами попался господинъ самаго эlegantнаго вида, съ трубкою въ зубахъ, явно обнаруживавшую его бивуачныя привычки. На господинѣ былъ модный сюртукъ и бѣлыя перчатки, но въ то же время шапка его сильно сбивала на „рогатувку“, а длинные буты были чисто повстанской конструкціи. Его заподозрѣли и остановили.

— Откуда и куда вы идете!

— Я изъ Галиціи, prosię pana Generala.

— Зачѣмъ же вы попали сюда изъ Галиціи?

— Я вышелъ на „шпацыръ“, пояснилъ было „его мосць“ и не договорилъ, потому что въ то же мгновеніе очутился позади колонны въ сообществѣ двухъ конвойныхъ солдатъ. Оказалось, что панъ былъ начальникомъ „швадрона“ въ бандѣ, сражавшейся съ нами подь Гольдчавицами и Мышковымъ.

Другой случай былъ еще оригинальнѣе. Подь тѣми же Влодавицами драгуны замѣтили красную шапку, юркнувшую въ густую траву, и понеслись за нею въ погоню. Черезъ пять минутъ одинъ изъ нихъ возвратился шагомъ, держа передь собою на сѣдлѣ мальчика лѣтъ восьми, одѣтаго въ турецкую феску и въ солдатскій мундиръ Витебскаго полка. Миниатюрный повстанецъ, къ общему удивленію, обнаружилъ въ своихъ отвѣтахъ такую развязность, какой отъ него не ожидали. Онъ просто пустился дѣлать класификацію нашего войска.

— То Dragony? спросилъ онъ вдругъ одного изъ офицеровъ и, не дождавшись его отвѣта, тутъ же прибавилъ:

— O, Dragonów бояться повстанцы; бояться также и смо-

(*) Стычка произошла 12-го апрѣля, при чемъ контуженъ пулею въ голову командиръ этой роты штабсъ-капитанъ Черкудиновъ, двое нижнихъ чиновъ убито и трое ранено.

ленцевъ—тѣхъ, что бились подъ Мѣховымъ....“ И Богъ знаетъ до чего бы договорился, пустившійся на откровенность мальчижъ; но колонна двинулась и онъ очутился позади ея, въ обществѣ бывшаго начальника кавалеріи.

По показанію плѣнныхъ, взятыхъ подъ Гольдчавицею, въ Краковъ прибылъ Мѣрославскій и потому со дня на день надо было ожидать новыхъ вторженій черезъ южную границу.

22-го апрѣля, рассказывалъ одинъ очевидецъ, рота 7-го стрѣлковаго баталіона, отбывъ свою очередь, послѣ продолжительныхъ поисковъ между Мѣховымъ и Олькушемъ, возвращалась домой. Вечеръ былъ тихій и ясный. На горѣ открылась бѣлая жидовская корчма, за которою вдаль, на свѣжей зелени, рѣзко обрисовалась высокая каланча ветхаго костела съ круглымъ куполомъ, который солдаты неизвѣстно почему называли шишкою.

— Шишка, ребята, видна, значить дома! крикнули передніе, и въ ту же минуту заунывная русская пѣсня смѣнилась разгульнымъ цыганскимъ мотивомъ, и запѣвало, забросивъ за спину ружье, принялся выкидывать такія колѣна, въ которымъ прибѣгалъ только въ экстренныхъ случаяхъ.

Но, подходя къ Олькушу, пѣсенники вдругъ смолкли и вниманіе всѣхъ обратилось на необыкновенную суматоху, происходившую въ городѣ, по случаю извѣстія, что банда, составленная изъ итальянскихъ и французскихъ выходцевъ, подъ начальствомъ полковника Нулло, перешла границу, съ цѣлю произвести нападеніе на Олькушъ, и что при бандѣ находятся два мѣдныя орудія. Евреи любили глядѣть на возстаніе съ своей исключительной точки „хандля“ и неожиданная осада, да еще съ „арматами“, съ французами и итальянскимъ полковникомъ, приводила ихъ въ истинное отчаяніе.

Когда рота вошла на площадь, волненіе нѣсколько утихло и повеселѣвшіе жидки немилосердно закивали головами знакомымъ солдатамъ.

— J co to za woina! co to za woina! заговорилъ тотчасъ же одинъ изъ нихъ, обращаясь къ ротѣ: „stigają, stigają i bją na smereć!... Ne lepej bylo by napisacъ pszyswoityj list....“

Солдаты выразили явное недовѣріе къ подобной философіи, но ораторъ просилъ убѣдительно выслушать его дальнѣйшіе доводы.

— Panowie stoją na pszyklad w Olkuszy, a powstancy w

Miechowie — и жидъ при этомъ ткнулъ пальцемъ въ воздухъ, силясь яснѣе выразить положеніе двухъ точекъ.

— To panowie napiszą do powstanców pszyswoityj list, i powstancy sobie pojdą do Pinczowa, a panowie do Miechowa....

— Ну, и что же потомъ?

— Sluchajcie, sluchajcie! заговорилъ еврей и еще убѣдительно взялъ одного солдата за пуговицу.

— Późnie powstancy snów napiszą do panów pszyswoityj list, ni by toni mają isć do Olkusza, i panowie pojdą sobie jak najspokojnej.... Cziż to malo miejsca?—заклучилъ онъ рѣшительно: J woina jest, i ruch jest i chandel idzie!....

Но тутъ раздалась команда: смирно! На площади появился князь Шаховской и, поздоровавшись съ ротою, объявилъ, что надо идти дальше.... „Тутъ не далеко, верстъ пять.... можете тотчасъ же имѣть дѣло!“ прибавилъ онъ, обращаясь къ ротному командиру.

Стрѣлки повернули направо, но, отойдя версты четыре за Олькушъ, возвратились встрѣтивъ поручика Христича, отъ котораго узнали, что онъ наканунѣ былъ посланъ съ ротою Витебскаго полка въ мѣстечко Подлясы, внезапно напалъ оттуда на шайку, стоявшую около урочища Цвѣнка, разбилъ и заставилъ ее бѣжать обратно въ Галицію.

По возвращеніи въ Олькушъ, роты однако же узнали, что въ ихъ отсутствіе прибылъ казачій разъѣздъ, ходившій къ подполѣсской мельницѣ, и привезъ плѣннаго итальянца, который объявилъ, что партія, разбитая въ Цвѣнкахъ, дѣйстви-тельно ушла въ Галицію, но что въ лѣсу у подполѣсской мельницы стоитъ 600 человекъ, прибывшихъ подъ командою Нулло.

Князь Шаховской приказалъ тотчасъ же 7-й ротѣ Витебскаго полка занять деревню Божелай, между Олькушемъ и Славковымъ, а самъ на другой день съ двумя ротами (*) двинулся по направленію къ подполѣсской мельницѣ. Войска выступили рано: было темно, холодно и въ воздухъ чувствовалась замѣтная влажность, непріятно дѣйствовавшая на солдатъ, измученныхъ тяжелою песчаною дорогою. Вдругъ впереди грянулъ выстрѣлъ, другой.... третій.... цѣпь кинулась

(*) Это были 9-я рота Витебскаго полка, подъ командою поручика Христича, и 4-я—7-го стрѣлковаго баталіона, подъ командою капитана Долина.

впередъ и захватила нѣсколько отсталыхъ повстанцевъ; отъ нихъ узнали, что банда пошла на сѣверъ, а что они, въ числѣ ста человѣкъ, покинувъ Нулло, думали пробраться въ Краковъ, раскаявшись въ своемъ намѣреніи воевать съ русскими.

Спускаясь съ крутой горы, у подошвы которой на берегу быстрого ручейка живописно помѣщалась небольшая подполѣсская мельница съ двумя укромными хатками, мы были свидѣтелями слѣдующей сцены: у плетня одной изъ хатъ была привязана красивая верховая лошадь; казаки бросились было къ ней, но въ то же время изъ хаты выскочилъ повстанецъ, сдѣлавъ выстрѣлъ и, промахнувшись, тутъ же перерѣзалъ себѣ горло. Оказалось, что это былъ солдатъ пограничной стражи, бѣжавшій къ мятежникамъ.

У подполѣсской мельницы мы услышали не вдалекѣ сильную ружейную перестрѣлку. Сражалась 7-я рота. Она уже отступила къ деревнѣ Милобондзъ; но здѣсь, воспользовавшись крѣпкою позиціею, отразила натискъ непріятеля, причѣмъ Нулло былъ убитъ и инсургенты отброшены къ лѣсу.

Когда подошелъ князь Шаховской, французы занимали сильную позицію, прикрытую со стороны Милобондзы топкимъ болотомъ, а съ прочихъ сторонъ огражденную густымъ Круликовскимъ лѣсомъ. Шла незначительная перестрѣлка. Князь Шаховской, приказавъ 7-й ротѣ наступать съ фронта, самъ обошелъ непріятеля съ фланговъ и, разомъ винувшись въ штыки, обратилъ его въ бѣгство.... Пораженіе было полное. Французы, итальянцы, поляки, прижатые къ рѣчкѣ Бяла-Пшежма, вынуждены были спасаться вплавь, оставляя повсюду убитыхъ, раненыхъ, оружіе и амуницію. Даже знамя иностраннаго легіона было брошено, какъ лишняя обуза. По показанію жителей, остатки банды, въ теченіе двухъ дней, по одиночкѣ пробирались въ Галицію и имѣли на сто человѣкъ не болѣе 10 или 15 ружей.

Съ нашей стороны трое нижнихъ чиновъ было убито и одинъ раненъ.

По окончаніи дѣла, плѣнныхъ французовъ и итальянцевъ (14 человѣкъ), одѣтыхъ въ самые разнообразные костюмы, начиная отъ синихъ сюртуковъ до вышитыхъ золотомъ куртокъ и бѣлыхъ плащей, сшитыхъ на манеръ арабскихъ бурнусовъ, привели къ князю Шаховскому. Итальянцы были серьезны; французы болтали безъ умолку и даже освѣдомлялись сошлютъ ли ихъ въ Сибирь и какъ до нея далеко отъ Польши.

По ихъ разсказамъ, Нулло еще при выходѣ изъ Кракова разочаровался въ полякахъ, убѣдившись, что это просто сбродъ пустой и безхарактерной молодежи. Въ самый день перехода чрезъ границу, между поляками открылись значительные побѣги, а на остальныхъ также надежда была плохая. „Подъ Милобондзы — говорили французы — поляки ни за что не хотѣли идти на русскую позицію. Чтобы ободрить ихъ, Нулло самъ долженъ былъ стать впереди — и палъ, пораженный пулею.... Любимый адъютантъ, находившійся при немъ въ эту роковую минуту, успѣлъ схватить его за руки, но былъ окруженъ и взятъ вашими солдатами.... Трупъ храбраго начальника остался покинутымъ.... Напрасно мы рвались впередъ: насъ было мало, а поляки, за дѣло которыхъ мы клали головы, безучастно смотрѣли на постигавшую насъ катастрофу....“

О смерти Нулло плѣнные отзывались съ крайнимъ сожалѣніемъ. Нулло служилъ полковникомъ въ итальянской арміи и пользовался большою популярностію, какъ адъютантъ и другъ Гарибальди. Все свое довольно значительное состояніе посвятилъ онъ дѣлу освобожденія родины, и потому трудно рѣшить что привело его въ царство Польское съ толпою авантюристовъ и искателей приключеній? Тѣло Нулло было отыскано въ грудѣ убитыхъ и погребено въ Олькушѣ. Впослѣдствіи мы слышали, что итальянцы открыли подписку на сооруженіе ему богатаго памятника, поставленнаго на кладбищѣ города Бергамо, откуда Нулло былъ родомъ.

По возвращеніи въ Олькушъ, князь Шаховской получилъ донесеніе, что наканунѣ пораженія Нулло другая банда, перешедшая границу около Иголомья въ Мѣховскомъ уѣздѣ, разбита на голову ротами изъ Прошевицъ и Ново-Бжеска.

Это дѣло происходило слѣдующимъ образомъ:

Утромъ 22-го апрѣля, въ Прошевице прискакалъ объѣзчикъ съ извѣстіемъ, что по ту сторону границы, насупротивъ поста Побѣднягъ, показалась значительная масса инсургентовъ, приближавшаяся съ явнымъ намѣреніемъ вторгнуться въ наши предѣлы, и что, по свѣдѣніямъ, банда состоитъ изъ 120 французовъ и 400 поляковъ при двухъ орудіяхъ, подъ командою французскаго офицера Каплера. Маіоръ Гавриловъ, съ двумя ротами Галицкаго полка, тотчасъ же вышелъ къ Иголомю, приказавъ и остальнымъ ротамъ изъ Ново-Бжеска идти туда по берегу Вислы. Мятежники встрѣтили Гаврилова

около д. Ваврженчице, но принуждены были имъ послѣдовательно отступать отъ Ваврженчицъ къ Иголомью и отъ Иголомью въ Побѣднягъ. Здѣсь, въ верстѣ отъ границы, они остановились и открыли по наступающимъ войскамъ картечный огонь; въ то же время къ намъ подошлѣли ново-бжегскія роты: онѣ смѣнили прежнюю цѣпь и сильнымъ штуцернымъ огнемъ окончательно смѣшали неприятеля. Повстанцы бросились за границу и были обезоружены австрійцами.

Съ нашей стороны при этомъ раненъ одинъ рядовой и контуженъ начальникъ отряда, маіоръ Гавриловъ, подѣ котрымъ убита лошадь. Потерю мятежниковъ въ дѣлѣ опредѣлить невозможно; но, по показанію австрійцевъ, они привезли съ собою въ Краковъ 20 убитыхъ и 7 раненыхъ. Одно орудіе также успѣло уйти за границу; другое, разорванное при первомъ выстрѣлѣ, было брошено и взято нашими солдатами.

Происшествія на южной границѣ тѣмъ еще не окончились.

25-го апрѣля, третья банда начала переходить границу между деревнями Шице и Велька-Весь. Здѣсь уже было 1,200 инсургентовъ; ими начальствовали Иорданъ, назначенный декретомъ революціоннаго комитета, военнымъ комендантомъ Краковскаго воеводства, и пресловутый Рошбрюнъ, появившійся опять со своими „зуавами смерти“. Зуавы были одѣты въ синія вышитыя куртки, въ красныя панталоны и турецкія фески. Одежда однако же не придавала имъ мужества и, по выраженію французовъ, они напрасно назывались „зуавами смерти“, не умѣя ни наносить, ни встрѣчать ее... (*)

Встрѣченные на самой границѣ роткою 7-го стрѣлковаго баталіона, подошлѣвшею изъ Михаловицъ, подѣ командою ка-

(*) Кстати объ этихъ зуавахъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ поляковъ, самое слово зуавъ есть польское и происходитъ отъ слова „żwawu“, т. е. лихой, молодецкій. Газета „Часъ“, напримѣръ, утверждала серьезно, что будто бы маршалъ Бюжо, услыжавъ отъ одного изъ поляковъ это выраженіе, относившееся къ африканскимъ солдатамъ, одѣтымъ тогда въ новую форму, принялъ и сохранилъ его, какъ характеристическое названіе цѣлаго войска, отличавшагося, подобно полякамъ, отвагою и непобѣдимостію. Поляки этимъ очень гордились, хотя имѣли довольно времени убѣдиться, что польскіе зуавы въ дѣлѣ совѣмъ не то, что зуавы французскіе...

Иностранная пресса утверждала въ то время, что самъ знаменитый предводитель польскихъ зуавовъ Рошбрюнъ пользовался особымъ покровительствомъ императора Наполеона, который будто бы пожаловалъ ему крестъ почетнаго легіона за дѣло 6-го марта подѣ Гроховискомъ. Рошбрюнъ дѣйствительно имѣлъ этотъ крестъ, но по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ получалъ его ранѣе, чѣмъ поступилъ къ Лангевичу.

питана фонъ-Штемпеля, зуавы первые дрогнули и начали подаваться назадъ, а когда въ тылу ихъ показались двѣ роты Витебскаго полка и сотня кавалеристовъ (казаки и объѣздчики), прибывшія изъ м. Скалы, подъ командою штабсъ-капитана Антипова, они обратились въ неудержимое бѣгство.

Къ общему сожалѣнію, у насъ при этомъ убитъ 7-го стрѣлковаго баталіона штабсъ-капитанъ Гангардтъ, офицеръ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ. Во время перестрѣлки, Гангардтъ не согласился лечь, что сдѣлала вся стрѣлковая цѣпь, и оставался на ногахъ, чтобы лучше слѣдить за движеніями непріятели. Вдругъ два солдата крикнули ему:

— Ваше благородіе, наклоните голову: въ васъ мѣтять!....

— Я не буду имъ кланяться—хладнокровно отвѣтилъ Гангардтъ—и въ то же мгновеніе упалъ, пораженный пулями въ грудь и въ голову.

Кромѣ Гангардта, убитъ одинъ стрѣлокъ и ранены трое нижнихъ чиновъ и штабсъ-капитанъ Антиповъ, пулею въ плечо навылеть. Антиповъ лечился въ Краковѣ и во все время пребыванія тамъ пользовался особеннымъ вниманіемъ краковскаго коменданта.

Достойно замѣчанія, что пораженіе Иордана и Рошбрюна происходило на глазахъ австрійскаго начальника дивизіи, который тутъ же, на самой границѣ, стоялъ со своими войсками, чтобы обезоружить бѣжавшихъ мятежниковъ, тѣхъ самыхъ, которые, за нѣсколько часовъ передъ сямъ, въ виду его, спокойно переходили изъ Австріи въ наши предѣлы. Австрійскій генералъ внимательно слѣдилъ за ходомъ боя и, впоследствии, отдавалъ всегда должную справедливость стойкости стрѣлковой роты и молодецкимъ распоряженіямъ ея командира.

Такъ окончились попытки мятежниковъ утвердиться на нашей южной границѣ. Вскорѣ мы узнали, что Мѣрославскій покинулъ Краковъ; Рошбрюнъ, получившій значительную сумму на вооруженіе своей банды, уѣхалъ во Францію; Каплеръ сдѣлалъ тоже; Нулло былъ убитъ, и только одинъ Иорданъ принялся формировать новую шайку. О судьбѣ ея мы узнаемъ изъ послѣдующихъ разсказовъ.

Петте.

(Продолженіе будетъ.)